
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1974

ЛИКУЮЩИЙ НОВО

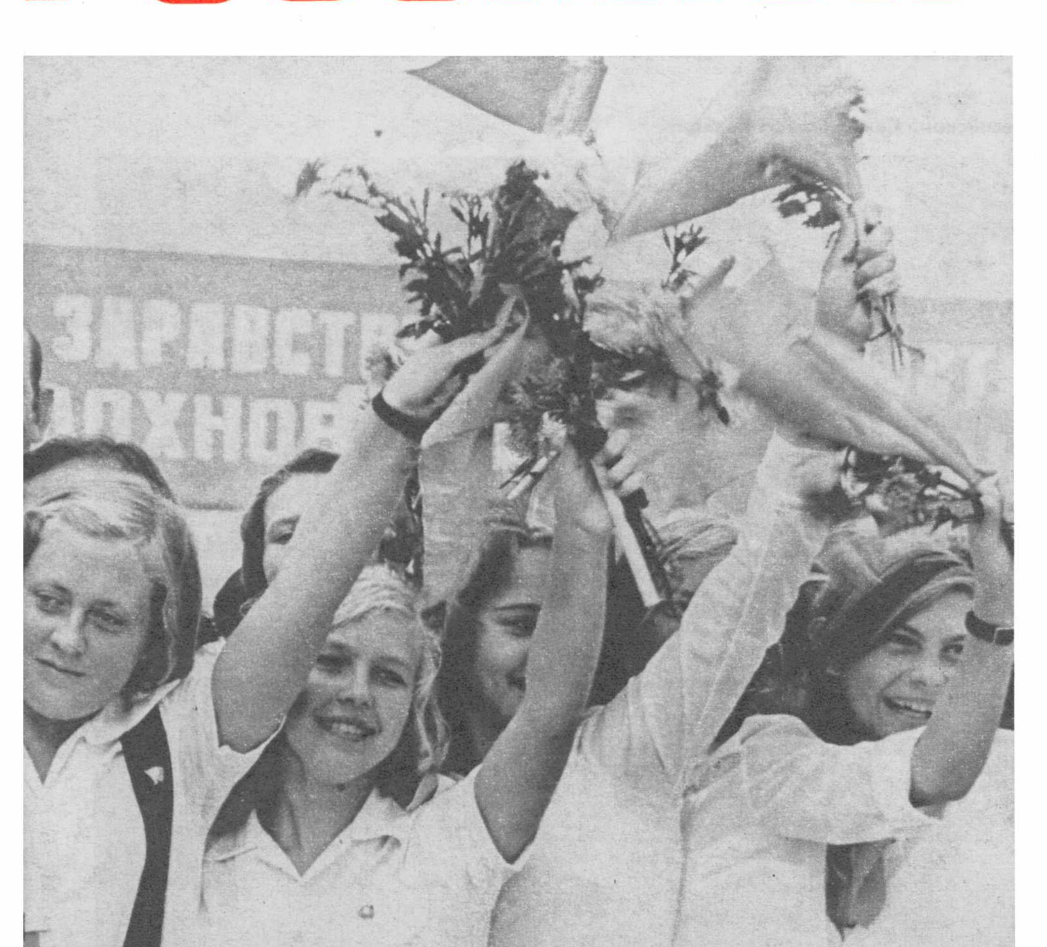

7 сентября 1974 года. Товарищ Л. И. Брежнев вручает орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» городу-герою Новороссийску.

РОССИЙСК

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 38 (2463)

14 СЕНТЯБРЯ 1974

Фото специального корреспондента «Огонька» А. НАГРАЛЬЯНА.

Большой праздник пришел на священную землю Новороссийска, которому в сентябре 1973 года было присвоено почетное звание «Город-герой». На торжества по случаю вручения городу ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» в Новороссийск 6 сентября прибыл Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Вместе с товарищем Л. И. Брежневым прибыли помощники Генерального секретаря ЦК КПСС Г. Э. Цуканов, А. М. Александров, В. А. Голиков. Сюда приехали также делегации городов-героев: Москвы, Ленинграда, Киева, Севастополя, Керчи, Минска; делегации Грузинской ССР, Ставропольского края, Ростовской и Крымской областей, города Смоленска; руководители партийных и советских организаций Краснодарского края.

На «Малой земле», на празднично украшенных улицах и площадях Новороссийска состоялись теплые, сердечные встречи товарища Л. И. Брежнева с трудящимися города-героя, сельскими тружениками Кубани и многочисленными гостями. С исключительной теплотой и сердечностью встретили Леонида Ильича, своего фронтового товарища, в годы войны начальника политотдела 18-й десантной армии, ветераны этой армии, другие участники битвы за Кавказ, боев за Новороссийск и Керчь, приехавшие на эту встречу со всех концов страны.

Товарищ Л. И. Брежнев посетил памятные места, связанные с подвигом защитников Новороссийска. В «Аллее героев», где покоятся вечным сном офицеры и солдаты, павшие в боях за Новороссийск, Леонид Ильич возложил цветы у Вечного огня, горящего как символ бессмертия героев.

7 сентября на городском стадионе состоялось торжественное заседание Новороссийского городского комитета партии и городского Совета депутатов трудящихся.

Горячей овацией, стоя встретили участники торжественного заседания товарища Л. И. Брежнева.

На трибуне также заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета Грузинской ССР Г. С. Дзоценидзе, первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов, первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС М. С. Горбачев, первый секретарь Ростовского обкома КПСС И. А. Бондаренко, первый секретарь Крымского обкома партии Н. К. Кириченко, руководители делегаций городов-героев, руководители партийных и советских организаций Краснодарского края и Новороссийска.

Торжественное заседание открыл председатель горисполкома Ю. В. Семенов.

С огромным вниманием слушали все участники торжественного заседания, все труженики городов и сел Кубани, вся страна речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева.

Под бурные аплодисменты участников заседания товарищ Л. И. Брежнев зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Новороссийску почетного звания «Город-герой». Горячая овация вспыхнула вновь, когда Леонид Ильич прикрепил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» к знамени города. Он сердечно поздравил находившихся на трибуне руководителей края и города, представителей трудящихся, ветеранов войны.

На торжественном заседании выступили также первый секретарь Новороссийского горкома КПСС Э. Н. Поляков; участник боев на «Малой земле», ныне диспетчер плавстройотряда треста «Новороссийскморстрой» С. Т. Григорьев; руководитель делегации города-героя Москвы секретарь МГК КПСС Л. И. Греков; рабочий цементного завода «Октябрь», Герой Социалистического Труда Ф. И. Першин; директор совхоза «Полтавский», Красноармейского района, Герой Социалистического Труда В. А. Светличный; руководитель делегации Грузинской ССР Председатель Президиума Верховного Совета республики Г. С. Дзоценидзе; командующий войсками Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа генерал-полковник Д. И. Литовцев; учительница средней школы № 22 Н. В. Рощина; первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС С. Ф. Медунов.

После торжественного заседания Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев и сопровождающие его лица совершили поездку по городу и памятным местам битвы за Новороссийск.

8 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев возвратился из города-героя Новороссийска в Москву.

ТО, ЧТО НИКОГДА

На площади Героев.

НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ

А. СОФРОНОВ

Как бы ни было быстротечно время, заполненное до предела все новыми и новыми событиями, никогда и никому не дано забыть дни высокого и грозного накала, в которые на веки вечные впаяно твое сердце, и в памяти твоей словно выбиты на металле месяцы и годы военной страды. И особенно если ты вновь оказываешься в местах, где видел все своими глазами, и судьба твоя, как пулеметная лента на груди, перекрещена с судьбами твоих боевых друзей, с кем ты хлебнул свинцового дождя и терял дорогих тебе однополчан, отдавших свои единственные и уже никогда не повторимые жизни во славу и честь Родины.

Как голос высокой радости, прошла по землям и весям весть о присвоении славному Новороссийску звания города-героя. Мы знали, что это будет. История всегда находит возможности восполнить еще не затронутые страницы. К этому взывали обагренные кровью защитников камни Новороссийска. К этому взывали мужество и геройство бойцов 18-й десантной армии, душой которой, ее совестью был начальник политотдела армии полковник Леонид Ильич Брежнев, со своими товарищами, политработниками, всегда находившийся в самых первых рядах героев Новороссийска и «Малой земли».

...С огромным нетерпением ожидали новороссийцы Леонида Ильича Брежнева, который должен был прилететь для вручения ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» городу-герою Новороссийску.

Для тех, кто сентябрьским утром 1943 года входил в разрушенный, мертвый город, было счастьем увидеть его сейчас цветущим, наполненным жизнью.

А сейчас он именно такой, наш старый друг и боевой товарищ — город Новороссийск.

Таким и останется он в памяти у каждого из тех, кто собрался в нем 6 сентября 1974 года и взволнованно ожидал появления в небе вертолетов, идущих со стороны Анапы.

И первая встреча — встреча ветеранов-однополчан с тем человеком, с которым военная судьба свела их когда-то здесь, на берегу Черного моря!

...Машины подходят к памятной стеле, что поднялась на «Малой земле», неподалеку от того места, где в ночь на 4 февраля 1943 года высадился десант Куникова.

Молча стоит Леонид Ильич на берегу, окруженный боевыми друзьями, и смотрит на удивительно привлекательную панораму города.

— Многое изменилось,— говорит он задумчиво,— но память осталась. Конечно, тридцать лет внесли большие изменения... Не было этих молов,— указывает он на прибрежные молы.

Символ всепобеждающей жизни.

Хлеб-соль от новороссийцев.

Задушевная беседа с рабочими цементного завода «Пролетарий».

— Новые, Леонид Ильич,— сообщает первый секретарь Новороссийского горкома партии Эдуард Поляков.

— Помнится, около цементного завода мы нашли заброшенную шахту... У нас было много раненых, мы использовали шахту в качестве госпиталя.

Возле берега стоит на возвышении танк, один из тех, что сражался на «Малой земле».

Все останавливаются возле танка.

— Станичка...— произносит медленно Брежнев и молча смотрит на виднеющиеся совсем близко вершины невысоких гор, поросших зеленым, чуть тронутым осенней позолотой лесом.— А ведь все эти высоты были у фашистов... Вместе с командармом Леселидзе разрабатывали мы план высадки десанта в Станичку... Рискнули высадить десант. А на чем? Тюлькин флот только и был у нас в распоряжении... Командиром десанта назначили человека гуманитарной профессии Цезаря Львовича Куникова... До войны он был редактором газеты... И высадились... И двести двадцать пять суток днем и ночью здесь все плавилось... Потом уже, когда окрепли, с трех сторон ударили по Новороссийску... И уже очень скоро оказались на Тамани.— Леонид Ильич качает головой и улыбается.— Так быстро продвигались по Тамани, что попали под бомбежку своих самолетов... Надо сказать, что бомбили наши здорово.— Брежнев снова смотрит на горы.— Высоты были у врага, а у нас равнина... Но защитники «Малой земли» знали, что защищали они стратегическую линию, уходящую в Закавказье и еще дальше... Наша 18-я десантная и соседняя 56-я армия, которой командовал Андрей Антонович Гречко, стояли здесь насмерть. Сейчас все мирно смотрится, а тогда... О, Иван! — увидел Леонид Ильич своего боевого адъютанта Ивана Павловича Кравчука, с которым на «Малой земле» часто бывал в те трудные дни.— Так, как сейчас ходим, можно ли было тогда передвигаться?

— Нельзя, Леонид Ильич... Только по траншеям... Палец высунешь,— снайпер отстрелит.

— Когда я был на Кубе, Фидель Кастро спросил меня, где были самые тяжелые бои. Я сказал, что за все четыре года более ожесточенных, чем здесь, на «Малой земле», не помню. Ведь было у нас всего тридцать квадратных километров. И огромная плотность войск. Наши бойцы, конечно, были хитры на выдумку. Чтоб свои не бомбили при такой плотности, снимали нижнее белье и выкладывали вдоль блиндажей... И помогало.— Леонид Ильич оглядывает тех, кто был с ним в ту пору на «Малой земле».— Отдать эту землю было нельзя. С ней бы мы отдали тогда и Черное море и многое другое. Освободив Кавказ, мы положили начало полному освобождению Украины.

...Мимо тысяч ликующих новороссийцев машины мчатся дальше. Возле желтеющих виноградников возведен памятник — 1 250 килограммов сваренных вместе осколков, мин, снарядов и бомб. Это то, что приходилось на душу каждого бойца, сражавшегося на «Малой земле».

Чтобы убить человека, достаточно всего 9 граммов металла...

«Долина смерти». Так странно звучит сейчас это название небольшого клочка земли, щедро засаженного виноградниками. Стоя возле выложенного гранитом колодца, названного когда-то Источником жизни, невольно чувствуешь сокровенный смысл этого названия, которое рождалось здесь, в огне сражений.

— Нужна была вода. Каждый рейд к колодцу был делом геройства,— говорит Алексей Копенкин.— Нужна была вода для пулеметов.

— И для людей,— задумчиво продолжает Брежнев.— Им надо было пить и варить пищу. А на всей «Малой земле» было всего четыре колодца. А в «долине смерти» — один. Сколько героев погибло у этого колодца; иногда погибали все, кто отправлялся за водой.— И снова Брежнев смотрит на вершины.— Фашисты-то были там...

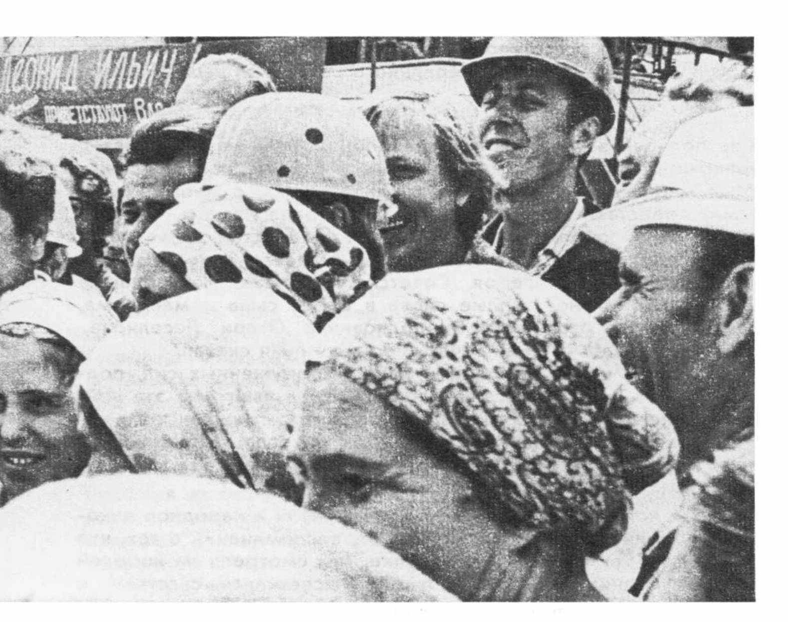
...В центре Новороссийска расположен Музей боевой славы. Когда Леонид Ильич вышел из машины, на него обрушился шквал приветствий.

— Спасибо вам, товарищ Брежнев!

— За все! За все!

К Леониду Ильичу тянулись сотни рук. Его окружали мужчины и женщины, каждый хотел сказать хотя бы слово привета. Так и вошел он, окруженный новороссийцами, в небольшое помещение музея, где его уже ожидали ветераны-новороссийцы.

Через тридцать один год... Анна Касьяновна Сахно встречает дорогого гостя.

— Поздравляю вас с тем, что Новороссийск отныне вошел в семью городов-героев,— сказал Леонид Ильич.— Москва, Ленинград, Сталинград, Новороссийск, другие города-герои — это слава нашего народа. Я долго думал, смогу ли пережить все заново... Знал, что вы свято храните память о героических подвигах защитников Новороссийска. Северо-Кавказский фронт. Черное море. «Малая земля» — это было одно из главных направлений битвы, которую вел наш народ. Вместе со Сталинградом мы решали одну и ту же задачу.

Помощник товарища Брежнева В. А. Голиков протягивает Леониду Ильичу фотоснимок.

— Вот крайняя пулеметная точка левого фланга войны,— говорит Брежнев.— Наши боевые пулеметчики. Они тогда вызвали на боевое соревнование пулеметчиков, находившихся на крайней северной точке, на правом фланге...

Все молча смотрят на эту простую, но исполненную высокого смысла фотографию...

История, история, сколько она сохранила всего для народа!

— Леонид Ильич,— обращается к товарищу Брежневу сотрудница музея,— примите от нас памятный подарок — эту пулеметную гильзу, насыпанную землей с того места, где высадился десант Куникова.

— Спасибо,— говорит Брежнев, принимая подарок.— Такие музеи, как ваш, чрезвычайно необходимы. Они прежде всего необходимы, чтобы мы могли воспитывать молодежь. Чтобы молодежь знала, какой ценой старшие поколения отстояли Родину. Я постоянно получаю от участников новороссийской битвы письма и фотографии и считаю необходимым пополнять этот музей. Сегодня я смотрел с «Малой земли» на Новороссийск. Сейчас все мирно... А в памяти — Цемесская бухта и торпедные катера, рвущие торпедами боносетевые заграждения.

...День вручения ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» был днем великой радости новороссийцев. Десятки тысяч людей стояли на улицах в ожидании Леонида Ильича Брежнева.

Заполнен до отказа стадион.

Восторженно была встречена речь Леонида Ильича Брежнева.

— Битва за Новороссийск вошла в историю минувшей войны как один из примеров несгибаемой воли советских людей к победе, ратной доблести и бесстрашия, их беспредельной преданности ленинской партии, социалистической Отчизне,— говорит Леонид Ильич.

— Присвоением Новороссийску звания города-героя по достоинству отмечены героические заслуги воинов Северо-Кавказского фронта, моряков Черноморского флота, партизан, граждан города, всех тех, кто, не щадя жизни, громил врага, преграждая ему путь к Кавказу.

Позвольте от имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства горячо и сердечно поздравить вас и в вашем лице всех участников сражений за город, всех новороссийцев с этой высокой и почетной наградой...

Слова благодарности Центральному Комитету нашей партии и Леониду Ильичу Брежневу звучали в выступлениях гостей и хозяев с трибуны торжественного заседания.

...И превосходно прошел праздничный концерт, в котором, как всегда, прекрасно выступала любимица фронтовиков вечно молодая Клавдия Шульженко...

Но впереди еще предстояли новые встречи с новороссийцами. Помнится разрушенный оккупантами цементный завод «Пролетарий». Руины... Руины... Сейчас это красавец завод, оснащенный самой передовой техникой, продукция которого идет не только на внутренний рынок, но и далеко за рубежи Родины. Возле нестерпимо жарких вращающихся печей, в комбинезонах и специальных касках встретили Леонида Ильича рабочие завода. Это были уже те, кто на мирном фронте продолжал дело защитников Новороссийска.

«Восхищен трудовыми подвигами коллектива старейшего цементного завода «Пролетарий».

Желаю всем цементникам города-героя Новороссийска дальнейших успехов в труде.

Посещение гвардейского корабля Краснознаменного Черноморского флота «Красный Крым», прибывшего на торжества в Новороссийск.

Крепите и умножайте свои славные традиции!
Здоровья и счастья вам, дорогие товарищи!»

Здесь же, неподалеку от завода «Пролетарий», стоит необычный памятник стойкости и мужеству героев Новороссийска. Он стоит и вечно будет стоять на том самом месте, где были остановлены фашистские оккупанты. Вагончик, изрешеченный фантастическим количеством пробоин. Кто думал в те дни, что обыкновенный вагон вдруг станет символом беззаветного мужества советских воинов?!

— Рад вас видеть на самом левом фланге Отечественной войны,— сердечно обратился Леонид Ильич к ветеранам 318-й стрелковой дивизии и других частей, незыблемо стоявших на этом рубеже обороны Новороссийска.

Сердечные, долгие рукопожатия старых фронтовых друзей. Слезы на глазах. Улыбки и горячие слова привета.

— Да, вагончик...— сказал Леонид Ильич.— Сколько раз нам пришлось ползать под ним в темноте, держась за бинт, чтобы не сбиться с пути к передовой.

— А Наталку помните с «Малой земли»? — спросил генерал, указывая на белокурую с сединой женщину, стоящую среди военных.

— Живите, дорогой наш, на радость всему народу,— тихо проговорила женщина, которую назвали Наталкой.

— Удивительная сплоченность у всех, кто здесь воевал... Все любят друг друга... Скажи только «малоземелец» — и каждый тебе близкий друг и товарищ,— продолжает генерал.

— А помните комсорга батальона морской пехоты Марию Педенко?— спрашивает Леонид Ильич.— Эта дружба рождалась в бою, на ненависти к врагам. Да и как было не рождаться ненависти? Как вспомнишь, что делали фашисты с нашими бойцами... Как сжигали они наших солдат в клубе моряков. Помню, когда нечем было писать — кровью подписывали клятву стоять насмерть и разгромить врага.

...И снова машины мчатся, теперь уже по самому берегу Черного моря к 9-му километру. Там в скале располагался полевой командный пункт 18-й армии. Сейчас здесь филиал новороссийского музея. Чисто и прохладно в длинных тоннелях. Висят фотографии военных лет. На одной из них запечатлен момент вручения Леонидом Ильичом партбилетов на «Малой земле». Возле фотографии, на которой два бойца на бруствере блиндажа ведут огонь по врагу, Леонид Ильич задерживается и вдруг, видимо, что-то вспомнив, произносит: «Что, братушка, тушуешься?» Затем направляется в небольшой боковой отсек и говорит, улыбаясь:

— Тут висячая кровать была, сетка для отдыха... Приходилось иногда отдыхать на ней и Леселидзе, и члену Военного совета, замечательному воину Колонину, и мне, конечно... Здесь, в этом подземелье, многие решения и принимались.

...Дорога все ближе к Геленджику. Небольшой этот город внес свою драгоценную лепту в победу Новороссийска. Здесь базировались боевые торпедные и сторожевые катера, сыгравшие во время высадки десанта в Новороссийский порт решающую роль. Здесь же базировался штаб соединения береговой артиллерии. Располагались летчики.

Не доезжая до Геленджика, машины свернули с дороги и направились к поселку Марьина Роща. В этом поселке располагались отделы штаба 18-й армии. Именно сюда мчались сломя голову мы, военные корреспонденты центральных газет, чтобы передать в свои издания статьи о подвигах защитников Кавказа.

Машина Леонида Ильича останавливается возле небольшого домика. Улица Ленина, № 6. Здесь когда-то бывал в редкие часы отдыха начальник политотдела армии полковник Брежнев.

Во дворе столик, на котором в вазе лежат яблоки и крупный виноград. Неподалеку водопроводная колонка. А еще чуть дальше старый колодец...

У калитки, в окружении внуков, правнуков и соседей, стояла старушка. Это была хозяйка дома Анна Касьяновна Сахно. Увидев Леонида Ильича, она воскликнула:

— Ох, как же хорошо, что вы приехали!

— Не забыли?— спрашивает Леонид Ильич.

— Как можно забыть? Заходите, дорогой гость...

Леонид Ильич подходит к колодцу.

— Хорошая вода была всегда в нем,— говорит он.

— Она и сейчас такая же... Поживите у нас хоть несколько дней.

Леонид Ильич улыбается и вместе с Анной Касьяновной входит в дом.

— Тут и землянка еще сохранилась товарища Брежнева,— говорит нам внук хозяйки.

Леонид Ильич снова появляется на крыльце.

— Сейчас увидите,— обращается он к гостям,— то место, откуда мы уходили на катерах на «Малую землю». Сейчас мы дойдем до Новороссийска за пятьдесят минут, а раньше для того, чтобы добраться в темноте ночи до «Малой земли», надо было четыре-пять часов. Под жестоким обстрелом... И доходили,— говорит Леонид Ильич и, помолчав, добавляет:— Не все, конечно...

...Солнце клонилось к закату, когда катер товарища Брежнева пришвартовался к тому самому месту, возле которого стоял гвардейский корабль «Красный Крым». Леонид Ильич вместе с гостями поднялся на палубу корабля, где его горячо приветствовали военные моряки. Теплой и сердечной была беседа Генерального секретаря нашей партии с командой «Красного Крыма».

Далеко за полночь затянулась встреча Леонида Ильича Брежнева с боевыми товарищами, с теми, с кем он, по его собственному выражению, протопал много дорог в суровое, трудное время; с многочисленными гостями, представителями Москвы, Ленинграда, Киева, Грузии, Крыма, Ростова, Ставрополя и других краев и областей Советского Союза. Добрым словом вспомнил Леонид Ильич своего боевого друга, не дожившего до победы, Героя Советского Союза, командарма К. Н. Леселидзе, и произнес теплые слова в адрес сына командарма, присутствовавшего на этой встрече полковника Отари Леселидзе.

Заканчивая этот незабываемый вечер, Леонид Ильич сказал:

— Благодаря воле партии, героизму наших вооруженных сил, поддержке нашего дела всем советским народом была выиграна эта война. На полях сражений погибло много воинов, много гражданского населения, и сейчас, думая о мире, защищая его, никогда не будет лишним помянуть сердцем всех тех, кто отдал свои жизни за победу.

Все было в эти исторические дни в Новороссийске: и народное ликование по поводу великого праздника и печаль воспоминаний о тех, кто уже не мог быть на этом светлом празднике. Мы смотрели на жителей Новороссийска, заполнивших улицы,— лица их светились счастьем и радостью. Они были горды тем, что вручить боевую награду приехал в Новороссийск Леонид Ильич Брежнев, имя которого является символом преданности делу Коммунистической партии, советскому народу и родной земле.

Эти дни надолго останутся в памяти народной.

В сентябре 1943 года в корреспонденции «В Новороссийске после боя», переданной на другой день после полного освобождения города от фашистских оккупантов и напечатанной в газете «Известия», у меня были такие строчки:

«Мы проходим десятки улиц. Первомайская, Пушкинская, Лермонтовская, Кольцовская, Почтовая, Элеваторная, Осоавиахимовская... Тихо, пустынно во дворах. Только дикая акация раскачивается на легком ветру и осыпает листья и стручки на израненную землю.

...При входе в новороссийский пригород Мефодиевку сохранилась остроугольная высокая арка с надписью по фронтону: «Мы наш, мы новый мир построим». Под арку втягиваются колонны пехоты. Идет, громыхая, тяжелая артиллерия, неуклюже ползут самоходные пушки. Все это течет железным потоком вдоль берега Черного моря, за Новороссийск. «Мы наш, мы новый мир построим». Да, построим, все будет снова у нас, и этот с остатками синей краски на кирпичах большой детский сад на Почтовой улице снова огласится детским смехом и песнями, и не будет возле него стоять сиротливо кем-то брошенная год назад детская голубая коляска. И во вновь отстроенном клубе станцует плавный вальс со своей подружкой моряк, которому приходилось сражаться в этом клубе, короткими перебежками прорываясь по коридору из комнаты в комнату».

Я снова увидел эту арку с той же надписью: «Мы наш, мы новый мир построим». Машина шла быстро, и надпись промелькнула мимо глаз. Но это была она, та самая арка! И та же самая надпись! И вот встал из пепла, из руин, и цветет, и трудится красивый, привольный город — город боевой и трудовой славы, город-герой, ликующий Новороссийск.

Слава Новороссийску!
Слава героям Новороссийска!

Сентябрь 1974 года.

НА ЗЕМЛЕ БРАТСКОЙ БОЛГАРИИ

Широко и торжественно отметил болгарский народ свой большой праздник — 30-летие социалистической революции в Болгарии. Цветами, флагами и улыбками, сердечным «Добре дошли!» приветствовали трудящиеся братской страны советскую партийно-государственную делегацию во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным.

Советская партийно-государственная делегация встретилась с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым, членами Политбюро и кандидатами в члены Политбюро ЦК БКП, секретарями ЦК БКП. Во время встречи товарищ Т. Живков вручил членам советской делегации юбилейные медали «30 лет социалистической революции в Болгарии».

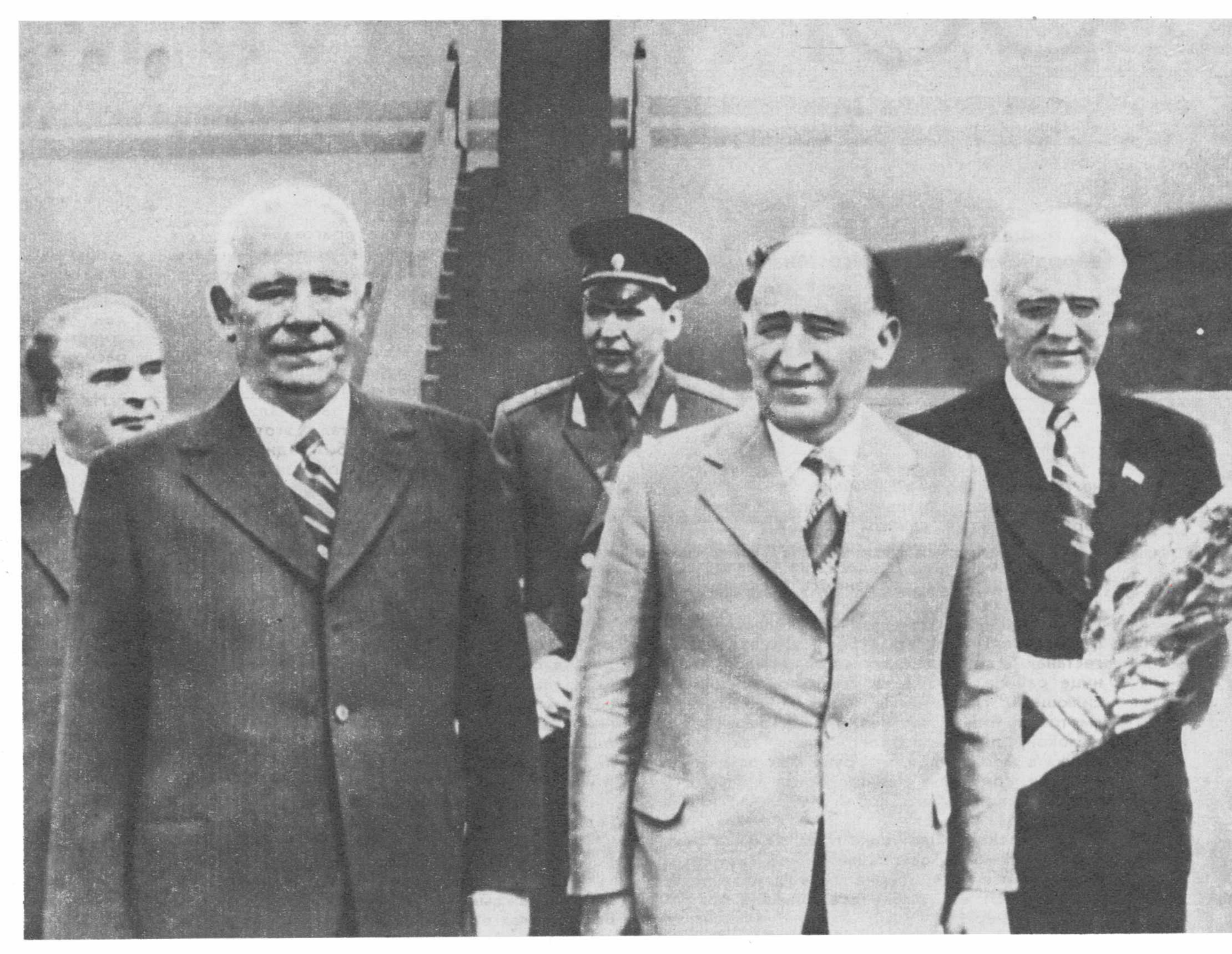
Советская партийно-государственная делегация приняла участие в торжественном заседании, посвященном 30-летию социалистической революции в Болгарии, которое состоялось 8 сентября в зале «Универсиада» в Софии. С докладом на заседании выступил товарищ Т. Живков. Одно из крупнейших завоеваний нашей революции, подчеркнул он,— это кристально чистая, последовательно интернациональная, истинно братская дружба партии и народа Народной Республики Болгарии и партии и народа Советского Союза.

Горячо, сердечно встретили болгарские друзья выступление на торжественном заседании главы советской партийно-государственной делегации товарища Н. В. Подгорного, который передал поздравление болгарскому народу, болгарским коммунистам от советского народа, нашей партии.

9 сентября советская партийно-государственная делегация присутствовала на военном параде и демонстрации трудящихся Софии по случаю знаменательной даты.

Торжества в Софии вновь убедительно продемонстрировали решимость трудящихся Народной Республики Болгарии уверенно идти под руководством своей коммунистической партии по пути социалистического строительства, хранить как зеницу ока нерушимую и вечную дружбу с Советским Союзом.

●

Встреча в Софийском аэропорту.

Торжественное заседание в зале «Универсиада». На трибуне член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Телефото Л. Портера и В. Будана (ТАСС).

ЯНТАРНЫЙ СОК ЗЕМЛИ

Фазу АЛИЕВА,
народная поэтесса Дагестана

Раннее утро, крупная роса на траве, словно небо плакало то ли от радости предстоящей встречи с солнцем, то ли от горя по угасшим ночным звездам.

Мы едем в селение Геджух. Уже давно я неудержимо рвалась сюда, и не удивляйтесь, что сразу и открыто признаюсь в своей любви к Геджуху.

Она возникла год назад. Мы тогда ехали в Магарамкент на вечер журнала «Женщина Дагестана», и среди тех, кто встречал нас на границе района, я увидела молодую женщину с сияющими глазами. Не знаю почему, но я смотрела только на нее, и она первой же улыбкой, первым рукопожатием так легко вошла в мое сердце, что рука моя осталась в ее руке, сразу мы стали говорить друг другу «ты», и как-то само собой забылось, что я тут гостья.

Она стояла на цветущем поле, излучая свет, золотая, гребень осколком солнца сверкал в пышной косе, темно-карие глаза глядели тепло и нежно. От ее улыбки все оживало вокруг. Звали ее Ферюза.

Вернувшись в Махачкалу, я заглянула в книгу толкования имен и с удивлением прочла, что Ферюза значит «наполненная светом». Имя этой женщины полностью соответствовало ее живому образу. Через несколько дней я узнала, что Ферюзу назначили директором совхоза «Геджух», и мне захотелось вновь увидеть ее.

...Геджух! А что это такое? Откуда произошло название местности? Расспрашивала стариков, историков и среди многих легенд услышала и такую...

Недалеко от нынешнего Геджуха был маленький аул. Жил он своей трудолюбивой жизнью, приучал детей любить землю, растить хлеба и делать добро людям. Жизнь детей повторяла жизнь родителей, и не было в ауле большего позора, чем вырастить лентяя. Поэтому с самого детства приучали детей к труду.

Случилось так, что у одного труженика вырос сын-лентяй. Ничем он не дорожил, ничего не ценил. Отец пытался приучить его к труду, но не смог, отчаялся. Однажды он сказал сыну, что ему стыдно смотреть людям в глаза, и поэтому решил уйти с семьей подальше от аула. Спустился старик с гор на голую равнину, принес с собой чубук винограда и стал обрабатывать пустующую землю. Сын пришел за отцом на равнину и по-прежнему вел праздную жизнь. Тогда отец выгнал его: «Пока ты не принесешь мне свою трудовую копейку, не приходи домой!» Мать пожалела единственного сына. Она дала ему денег и сказала: «Вечером приходи домой, скажешь, что сам заработал». Сын так и поступил. «Мне не нужны заработанные тобой деньги. Я просто хочу приучить тебя трудиться»,— сказал отец и бросил деньги в огонь, плетью избил сына, приговаривая: «Гед (труд), жух (упорство)». На другой день все повторилось точно так, и на третий, и на четвертый. Наконец, мать сказала сыну: «У меня нет больше денег! Отец, видно, обо всем догадался. Надо тебе самому работать». Что оставалось делать сыну? Вечером он принес домой честно заработанный рубль. Отец, как всегда, швырнул деньги в огонь. Голой рукой сын выхватил бумажку из огня и закричал: «Я собственным горбом заработал этот рубль! Геджух!». «А ты думаешь я без геджуха зарабатываю деньги? Видишь, сынок, как дорог бывает рубль, когда зарабатываешь его трудом и упорством,—ты чуть не прыгнул за своим рублем в огонь!» — воскликнул обрадованный отец. Скоро сын стал ему первым помощником. Через год на равнине вырос прекрасный виноградник. Когда люди восхищались мощным ростом черенков, сын отвечал: «Ничего удивительного нет, это геджух». И вот назвали местность Геджухом. Недолго отец и сын оставались в одиночестве: увидели люди, что здесь благодарная земля, что труд и упорство человека оплачиваются сполна, и перешли на равнину. Выросли дома, раскинулись новые виноградники. В каждом чубуке сочетались сок земли, жар солнца, тепло человеческих рук, труд и упорство...

...Ферюза опять встретила нас на границе Геджуха и Дербента. Та же сияющая улыбка, лучезарные глаза, лицо покрыто светлым загаром. Мы едем по зеркально гладкому асфальту между бескрайними виноградниками и любуемся каждым чубуком, его выхоленностью. Больше всех радуется сама Ферюза — так восхищена, будто это не она каждый день с утра до вечера пропадала здесь вместе с рабочими, так восхищена, будто впервые видит эти удивительно красивые виноградники.

— Давайте остановим машину, посмотрим наши виноградники,— предлагает Ферюза.

Вот мы идем между рядами лоз. Они качаются из стороны в сторону, гнутся, но не ломаются, не отрываются от земли. Гибкая тростинка поранит до крови жесткие, привыкшие к труду ладони, выскользнет из рук и упорно останется в земле: там упруго и цепко разветвились сильные корни — подобно рукам богатыря, вцепились они в землю.

Весною лоза зацветает. Неприметны, неярки простенькие цветы на виноградных кустах. Но, кажется, нет на свете ничего равного по красоте гроздьям, которые рождаются из этих скромных цветочков! Зрелая ягода просвечивает на солнце, переливается, кажется живой — она похожа на ясный человеческий глаз, а косточка внутри, как зрачок. Вынешь косточку — потеряет живость, ослепнет ягодка винограда...

Осенью, в наряде из узорчатых листьев, в драгоценных серьгах из налившихся соком кистей, согнется под сладким грузом виноградная лоза. Всем своим видом она славит землю, кормящую ее, славит солнце, ее согревающее, и кто тогда вспомнит, что зимою и весною виноградная лоза была тонкой, печальной тростинкой?

Еще в детстве слышала я о целебной силе весеннего сока виноградных лоз. Я жила в высокогорном ауле, и у нас не рос виноград, но моя тетя жила в долине, и она всегда приносила нам, своим племянницам, чудотворный сок. Она давала нам пить его чайными ложками, чтобы «душа и тело» наши были здоровыми и крепкими...

Встреча в школе была посвящена дню рождения Ленина. Я была поражена, с какой страстностью говорили дети — говорили на прекрасном русском языке — о Родине, о В. И. Ленине, как они задушевно читали стихи.

На трибуне ученица 10-го класса. Она начинает взволнованно: «В сердца закабаленных дагестанцев это имя пришло с победой в горячих боях за Советскую власть, с первыми буквами, что выводили горцы в ликбезах, с полутора миллионами аршин материи, которые Владимир Ильич прислал в те трудные годы разрухи и голода, когда, прежде чем женщине выйти из дому, глашатай кричал: «Мужчины, покидайте годеканы и улицы, женщины идут по воду»,— потому что одежда женщин обветшала и им нечем было прикрыть свое тело...»

Потом ребята рассказывали, как учатся, трудятся... Они с малых лет приучены к труду, дети Геджуха. И есть вклад школьников в богатые урожаи, собранные виноградарями. А урожаи тут прекрасные.

В 1973 году геджухцы сдали государству 7 599 тонн винограда, план выполнили на 143 процента и получили премиальную доплату от государства в 300 тысяч рублей — это значит на каждого жителя Геджуха, считая грудных детей и глубоких стариков, по сто рублей. И виноград геджухский славится своим отменным качеством, очень высокой сахаристостью — 15—16 процентов. Он идет на лучшие марки вин.

Здесь есть уникальные винные подвалы, принадлежавшие до революции царскому наместнику Воронцову. В подвалах вина многолетней выдержки, славящие Дагестан далеко за его пределами, украшающие праздничные столы в самых отдаленных уголках нашей Родины.

Но сами геджухцы пьют вина очень мало, не забывая притчу, передающуюся из уст в уста, от поколения к поколению.

Говорят, в давние времена, когда в Дагестане еще не знали, что такое виноград, какой-то горец привез и посадил его в своем дворе. У этого человека все хозяйство состояло из красивого павлина, молодого льва и свиньи. Чубук прижился, потянулся вверх, но вдруг ударила такая засуха, что начал чубук умирать. Хозяин зарезал павлина и оросил чубук его кровью, но снова ударила засуха, и тогда зарезал горец льва и его кровью оросил чубук. Стал он расти, но опять ударила засуха, и пришлось хозяину лишиться последней свиньи и ее кровью оросить чубук.

И потому, говорят горцы, вино обладает свойствами тех, чьей кровью был орошен виноградный чубук. Выпьет человек один бокал и преображается, становится красивым, словно павлин. Но после первого бокала человек все-таки владеет собой. Выпьет второй бокал — в нем просыпается лев, он ищет жертву. А третий бокал превращает его в свинью. И потому геджухцы всегда предпочитают быть красивыми, всегда владеть собою, не терять разума...

...Ферюза привела меня к плотине, к подножию водопада. Плотину геджухцы построили сами, чтобы быть независимыми от милостей

ВИКТОР ВАСИЛЬЕВИЧ ГРИШИН

к 60-летию со дня рождения

Фото И. Филатова.

Н. Ромадин. РОЗОВАЯ ВЕСНА.

природы. В любой час, когда солнце слишком расщедрится, можно пустить воду на виноградники. Ни одна капля здесь не пропадает зря.

Над нами возвышается гора, тропинка к вершине ведет веселая и строгая, каменистая и колючая — не так-то легка дорога вверх. Ферюза смотрит на тропинку — может, мы с ней обе думаем об одном и том же. Это дорога мужественных и сильных. Ферюза как-то незаметно отделяется от нас, и я вижу, как она, задумчиво опустив голову, идет по тропинке. Я рада увидеть ее такой, и мне хочется, чтобы ничто не спугнуло ее внезапно нахлынувшей светлой печали. Мало ли о чем задумалась молодой директор, единственная в Дагестане женщина — глава такого большого совхоза. Может быть, она просто вспомнила свою жизнь, полную борьбы и труда. Может, с этой тропинки она видит седую голову Шалбуздага — родное Ахты. Она дочь первой учительницы-ахтынки, которая одна из первых женщин в Дагестане получила педагогическое образование.

У Ферюзы, любимицы семьи, много родных школ. Ее отца, партийного работника, часто переводили из города в район, из района в город.

Как-то я спросила у Ферюзы, что побудило ее, маленькую ахтынку, поехать в Ленинград, в технологический институт пищевой промышленности. Ферюза сказала:

— Знаете, это я выбрала из любви к Ленинграду. Помню, во время войны в то место, где работал отец мой, приехала русская учительница Лидия Абрамовна Кавцевич. Она преподавала нам литературу и рассказывала так много о Ленинграде, что мы, ее ученики, горячо полюбили этот город. Мы знали каждую улицу, каждый садик, парки, библиотеки. Мы все мечтали после войны поехать туда учиться, и у меня тогда была такая мечта. Видимо, во мне она сидела глубже, чем в моих подругах. Родные не отпускали, мама хотела, чтобы я стала врачом, отец рекомендовал поступить в Дагестанский сельскохозяйственный институт. А я твердила свое и не сдала позицию даже на муравьиный шаг.

Поехала. Повезло! Да, очень мне повезло. Я встретила в институте Сергея Захаровича Иванова. Оказывается, Сергей Захарович воевал за Советскую власть в Дагестане, в Кизляре, видел закабаленных, измученных трудом и бедностью дагестанских женщин. С первых же дней директор института стал опекать меня.

И вот когда Ферюза училась на третьем курсе, в ее жизни произошло большое событие. К ней пришла любовь. Она была из тех девушек, кому очень хорошо в обществе подруг, а с парнями говорить не всегда интересно. Да к тому же она знала: там, в горах, ждал парень, за которого, по обычаю, ее еще с детства просватали, и Ферюза не была против того, чтобы после учебы соединить с ним свою судьбу. А в тот вечер, когда увидела на встрече студентов двух вузов курсанта мореходного училища Евгения, Ферюза потеряла покой. И она тоже понравилась ему. Но сколько возникло преград! Не так-то легко было горянке выбрать себе друга жизни далеко от гор. Для горного аула это было ошеломляющее событие. Но был у Ферюзы друг, который помог ей,— ее мать. Она понимала эту любовь. Вопреки всем преградам Ферюза и Евгений соединили свои судьбы, и здесь им помог Сергей Захарович — и добрым словом и поддержкой.

Проработав в Куйбышеве пять лет, молодые переехали в Дагестан, и тропинку к сердцу обиженного отца и всех родственников проложил маленький Сережа.

Родственники Ферюзы приняли Евгения в свою семью как сына. Полюбили его и на дербентском заводе «Электросигнал», куда он поступил работать главным конструктором и где работает по сей день.

За плечами у Ферюзы шесть лет работы заведующей лабораторией в совхозе, три года работы секретарем Дербентского райкома партии.

— Я очень любила и лабораторию и партийную работу, но, оказывается, руководить совхозом мне еще более по душе, потому что эта работа более беспокойная и живая,— говорит Ферюза.— Совхоз не только виноградарский, здесь крупная птицеферма, инкубаторная станция, молочнотоварная ферма. Все это дает большие доходы. Работа кипит и на новостройках: возводится новый Дворец культуры, расширяется ферма, строится новая больница, начато строительство четырехквартирного жилого дома.

...Уже вечереет, сиреневой становится водная гладь. Ферюза спускается по тропинке с маленьким букетом полевых цветов.

— Она пришла в наш совхоз с открытой душой, и она вкладывает всю свою кипучую энергию в работу, мы любим ее, уважаем и говорим друг другу: она наша сестра, и пусть тот не носит никогда на голове папаху, кто посмеет ее в чем-нибудь обидеть,— говорил Меджид Мусалаев, экономист совхоза.

Эти слова мог сказать любой из тех, кто работает вместе с Ферюзой. А она все уверяла меня утром, что у нее замечательный коллектив, что все мужчины — и парторг Касум Гайдаров, и предрабочкома Гаджи Шахбанов, и экономист Меджид Мусалаев, и директор школы Рамазан Гасретов — высокообразованные, умеющие работать, люди с большой буквы, что друзья вселяют в нее уверенность в свои силы:

— Без них я словно птица без крыльев.

Все эти люди разных национальностей, но говорят они на одном языке — языке, который связывает людей разных народностей и национальностей одной единой целью, дружбой и взаимопониманием, — на русском языке.

Вечером состоялся концерт художественной самодеятельности совхоза. Выступили представители семнадцати народностей. И удивительно было смотреть на молодежь, которая так красиво пела и танцевала после трудового дня.

До поздней ночи мы сидели в кругу семьи Ферюзы — двух сыновей и мужа. Они, эти мужчины, даже маленький Артур, понимают, какая большая забота на плечах у матери. Ее берегут, во всем помогают ей, и дружный семейный очаг — первая опора.

Не знаю, догадалась ли Ферюза о наших намерениях написать о совхозе, но она как бы предупредила нас, когда сказала на прощание:

— Знаете, всем своим успехом Геджухский совхоз обязан рукам рабочих, это удивительно трудолюбивые, упорные, настойчивые люди. Во всем сделанном нами — кропотливый труд тех, кто живет здесь. И еще мы живем и дышим будущим Геджухом — таким, как мы его планируем. Мы собою еще очень и очень недовольны. У нас сейчас в столовой рабочие круглый год получают обед, но они доплачивают за него двадцать копеек, а совхоз платит восемьдесят. А мы хотим, чтобы со следующего года и обед стал бесплатным и в яслях, детсадах не было никакой доплаты, хотим сделать и кино бесплатным. Все сделать так, чтобы рабочим было лучше!

И мне захотелось сказать этой лучезарной, обаятельной, мужественной женщине, которая сердечно, без остатка отдает себя работе:

Я, гость Геджуха,
Поднимаю тост,
Растроганный гостеприимной встречей,
За то, чтоб ваш Геджух был так же вечен,
Как солнце и как свет далеких звезд.
Пускай вас чаще веселит зурна,
И полнятся плоды янтарным соком,
И яблоки не падают до срока,
И колос вызревает до зерна.
Пусть не стихает детский смех и топот.
Ягнята пусть копытцами стучат,
Пускай не замолкает страстный шепот
И юношей влюбленных и девчат.

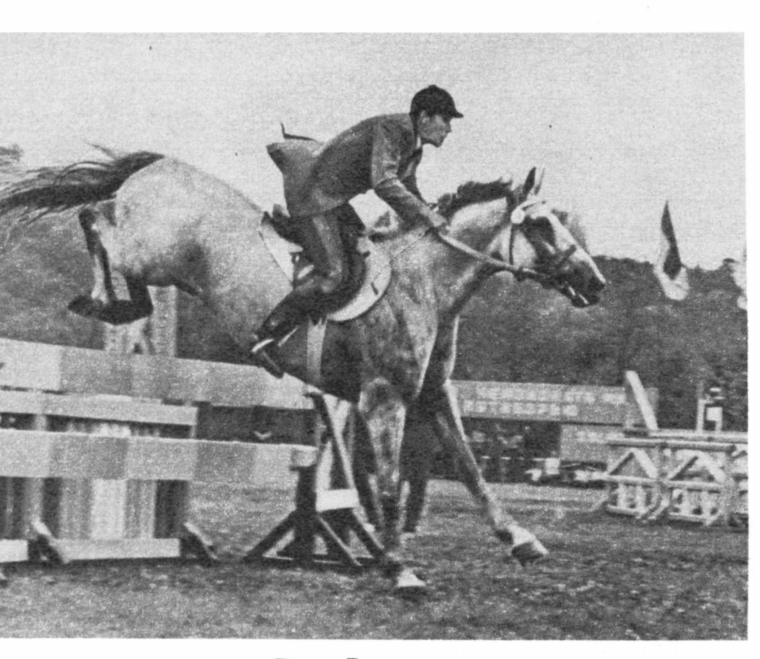
Ферюза Бурлакова.

Фото Шамиля МУСАЕВА.

Вот он, чемпион мира 1974 года, Павел Леднев.

БОГАТЫРСКАЯ СИМФ

Павел Леднев успешно проходит дистанцию.

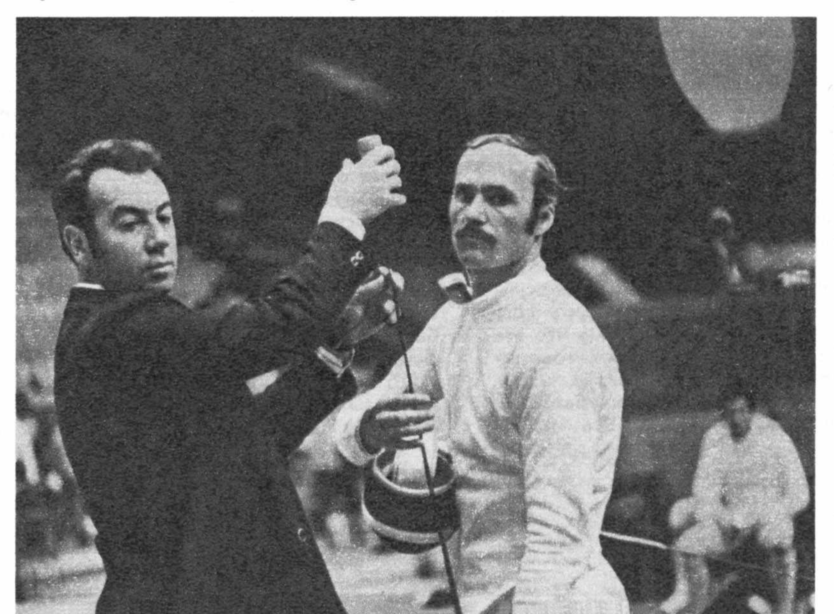

Два ветерана — пятикратный чемпион мира венгр Андраш Бальцо и четырехкратный чемпион мира Игорь Новиков.

Владимир Шмелев на дистанции четырехкилометрового кросса.

Борис Онищенко готов к новому поединку.

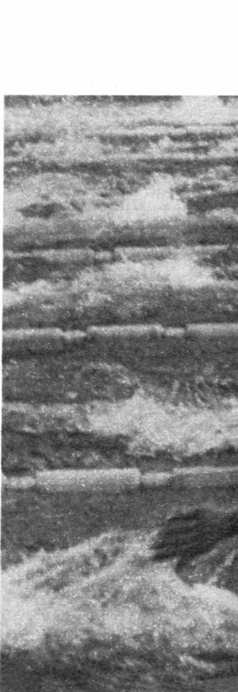

Фото А. БОЧИНИНА.

ОНИЯ

Дробный топот коней, звон клинков, хлопки выстрелов, плеск воды и шорох шагов — вот звуки поистине богатырской симфонии, название которой — современное пятиборье.

XX чемпионат мира по современному пятиборью состоялся в Москве, и его ценители были заворожены исключительно ярким зрелищем. В самом деле, на каком соревновании вы можете увидеть такой неохватный диапазон мастерства, когда каждый спортсмен должен быть одновременно конником, фехтовальщиком, стрелком, пловцом и бегуном?

Только тот пятиборец, который после пяти выступлений потеряет минимальное количество очков, имеет шансы на успех. Но личная победа не предел: если трем спортсменам, составляющим команду, удастся гармонично сложить воедино свои усилия, они могут завоевать и командное первенство. И вот эта сложнейшая задача была блестяще решена нашими спортивными «полиглотами». Павел Леднев, Владимир Шмелев, Борис Онищенко ни одной призовой медали не оставили своим гостям в личном первенстве и внесли в список командных побед советских пятиборцев, состоящий из одиннадцати строк, еще одну строку, двенадцатую.

Впервые советский пятиборец стал чемпионом мира в 1955 году — это был Константин Сальников. А на Олимпийских играх 1956 года наши спортсмены завоевали и командное первенство с тем чтобы в следующем году на чемпионате мира уже никому не уступить верхней ступеньки пьедестала почета ни после личной, ни после командной борьбы.

Тогда, в 1957 году, впервые чемпионом мира стал наш выдающийся пятиборец Игорь Новиков, впоследствии еще трижды добивавшийся победы. Теперь Новиков, вице-президент Международного союза современного пятиборья и биатлона, мог поздравить с успехом своих наследников — Павла Леднева, вторично завоевавшего титул чемпиона мира, его товарищей по команде — серебряного и бронзового призеров Владимира Шмелева и Бориса Онищенко.

Это поистине великолепная тройка, которой может гордиться советский спорт. Уже после первого старта — верховой езды с преодолением пятнадцати препятствий — наша команда набрала наибольшее количество очков. После второго дня — долгого фехтовального турнира — Павел Леднев стал единоличным лидером чемпионата, а Борис Онищенко вышел на второе место. Но Шмелев фехтовал неудачно и после первых двух дней борьбы занимал всего лишь восьмое место, причем наша команда проиграла фехтование своим грозным соперникам — венгерским пятиборцам.

И вот после десятичасовой борьбы на фехтовальных дорожках пятиборцы сменили шпаги на пистолеты. Трудно дался третий день советским спортсменам. Павел Леднев показал лишь девятый результат, а Шмелев после подсчета очков переместился уже с восьмого общего места на десятое. Теперь все должно было решиться на водных дорожках бассейна и на дистанции четырехкилометрового кросса. И два решающих старта оказались для нашей команды удачными. Леднев и Онищенко проплыли триста метров в достаточно высоком темпе, чтобы прочно закрепить за собою лидерство, а Шмелев показал такой высокий результат, что сразу перешел с десятого общего места на четвертое, с тем чтобы после бега перейти на второе общее место, оттеснив своего товарища Бориса Онищенко на третью ступеньку пьедестала почета.

Так наша команда, показав поистине высочайшее мастерство во всех пяти видах спорта, входящих в современное пятиборье, оказалась недосягаемой для венгров и румын, завоевавших серебряные и бронзовые медали.

Блестящий успех советских спортсменов!

В. ВИКТОРОВ

Наедине с мишенью.

Впереди триста метров воды.

Пьедестал почета — наш! Слева направо: Борис Онищенко, Павел Леднев, Владимир Шмелев.

НИКОМУ, НИКОГДА...

Федор КНОРРЕ

РАССКАЗ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Конечно, он прекрасно слышал, как в соседней комнате ходят и разговаривают, пьют чай — звякают ложки, и чашки стучат о блюдца,— слышал, как под самым окном петух захлопал крыльями, набираясь духу, прежде чем закукарекать. Знал, что вот-вот войдет его будить мама, но все-таки лежал, чувствуя яркий свет сквозь закрытые веки, и почти спал. Ему не хотелось вылезать из сна, ему там было хорошо, руки и ноги не желали шевелиться, вязли в чем-то густом и тягучем, как оса в меду.

Мама быстро вошла, стала тормошить, сдернула с него простыню, и он обиженно бурчал, притворно изображая, что его мучают.

— Просыпайся, просыпайся, вставай сейчас же, слышишь, Егорка! Мы уезжаем, чай на столе, все остынет, к речке без нас не ходи, обед на кухне накрыт полотенцем, мы уехали, ты остаешься один, мы сегодня постараемся пораньше!..

В спешке мама чмокнула его в щеку. Вышло похоже на тот короткий, писклявый звук, когда, послюнив палец, она пробовала, нагрелся ли утюг.

Звякнули, задребезжав, стекляшки — значит, захлопнулась дверь на террасе. А вот и щеколда брякнула два раза: сначала ее подняли, а потом, когда она защелкнула уже захлопнутую калитку. Егор остался один в доме. И сейчас же соскочил с постели на пол.

Остался один в доме! Это как интересный подарок. А тебе еще дарят его каждый день с утра!

В короткой рубашонке, шлепая босыми ногами, он отправился пройтись по дому.

Спал он в маленькой комнатушке Старика, который летом выселялся в баню, а у родителей была комната в три окна, с цветами на подоконнике, с ярко-красным блестящим полом. Мухи, летавшие по комнате, вспыхивали, попадая в столбы солнечного света, и исчезали в сумерках. Пол под босыми ногами был прохладный, кроме тех островков, куда падали яркие пятна солнца из окошек. На них подошвам сразу делалось тепло. А днем будет даже горячо наступать.

С удовольствием пропустив нудный обряд умывания, он распахнул дверь на застекленную терраску. Сейчас же на ступеньках крыльца появилась с озабоченным квохтаньем наседка. Цыплята, с трудом карабкаясь, полезли за ней следом всей компанией и наперебой застучали об пол носами, подбирая дохлых мух.

Трясогузка, дергая длинным хвостиком, суетливо бегала по дорожке.

— Ага, явилась,— ворчливо сказал Егор, отломил кусочек мякиша, раскрошил и швырнул птичке.

Та, вспархивая, отбежала, но тотчас вернулась назад и проворно подобрала все до последней крошки.

Егор спустился в сад, подкинул еще крошек и подождал, пока все не подберет.

— Налопалась?.. Угу... Ну то-то!..— со сварливым и угрюмым одобрением пробурчал он голосом колхозного конюха Антона, когда тот задавал корм лошадям.

Спохватившись, что стоит на дворе среди бела дня в одной коротенькой рубашонке, Егор побежал в дом, натянул трусы, щелкнув оттянутой резинкой по пузу, и, лениво обуваясь, с удовольствием раздумывал, что начать делать дальше.

Удивительно удачное получилось у него это лето: как-то само собой все сложилось так, что лучше не придумаешь. Тетка Саня, которая должна была за ним присматривать на даче, вдруг раскисла, стала хворать и решила заняться своим здоровьем, как раз после того, как комнаты в поселке уже были сняты, и таким образом Егор в будние дни оставался во всем доме один, что было ново и интересно.

Он взял в одну руку колбасу, в другую булку, походил по комнате, откусывая то из одной руки, то из другой.

Толкая коленом и помогая свободным мизинцем, пододвинул стул к двери, ведущей в помещение хозяев дома, влез на него и, с трудом дотянувшись, заглянул в чужую комнату, через стеклянный верх.

Широченная постель, над которой бодаются два оленя на ковре. Рядом две швейные машины — старая, ручная, и новая — ножная. У стены громоздилась, сверкая полировкой, большая мебелина — ее вытащили сюда, чтоб не оставлять у жильцов-дачников — папы, мамы и Егора.

Привезли эту штуку из магазина за день до их переезда, и Егор слышал, как Людмила, хозяйка, водила соседей осматривать, а сама, брезгливо поджимая губы, презрительно пожимала плечом:

— Не знаю... Вот шифонэр взяли!

— Шифонэ-эр!..— проблеял Егор в стекло и, слегка подавившись колбасой, слез со стула. Смотреть тут больше было нечего.

В углу сада у канавы была маленькая, аккуратная, круглая дырочка с пятикопеечную монету, прокопанная в земле. Егор ходил ее осматривать каждый день. Уже два раза он видел, как оттуда выглядывал ее хозяин. Бесшумно выскочит до половины, торчком выставит мордочку с круглыми ушками и застынет, прислушиваясь, тараща черные блестящие глазки, и вдруг бесшумно, не шевельнувшись, исчезнет, провалится обратно под землю.

Егор в первый раз засмеялся от радости, что узнал такую тайну,— ведь все думали, что это просто дырочка, а там, оказывается, этот, с круглыми ушками и смышлеными глазками, живет потайной своей жизнью, обделывает свои делишки, подглядывает и высматривает все, что ему надо.

С тех пор он каждый день подкладывал к норке кусочки хлеба, сыра или колбасы, и каждый раз все это исчезало.

Значит, «ему», этому типу, все это по вкусу. Наверное, соберутся там у себя дома всей компанией, попробуют, переглянутся и облизываются... Надо им почаще класть!

Он побродил еще по саду. Солнце здорово стало припекать, проносились мимо с угрожающим гудением шмели, и в траве все звенело и стрекотало; за забором у соседей мекекала на два голоса коза, так мерзко, точно дразнилась с другой козой: у кого противнее получится.

Он повалился ничком в самую гущу травы, так что стволы травинок оказались у него перед самыми глазами и оттого вдруг сделались огромными и совсем разными, непохожими одна на другую. Если долго не шевелиться, начинает казаться, что вокруг высокий травяной лес, над которым носятся пчелы; а то шмель тяжело бухнется на верхушку цветущего дерева и сердито копошит там лапками, а оно гнется и качается. Долго и прилежно карабкался по длинной травинке жук,— карабкался и бухнулся на землю. Полежал в обмороке, как будто совсем подох, да вдруг забарахтался, замахал лапками, кое-как перевернулся, стал на ноги и опять полез на ту же травинку, хотя наверху ничего нет для него интересного.

В сиреневом пышном дереве у забора вдруг поднялся переполох. Там обычно полным-полно копошилось скворцов, синичек, воробьев. И вот оттуда сейчас вместо задорного, веселого попискивания и щебечущих песенок неслось какое-то скрипучее безобразие.

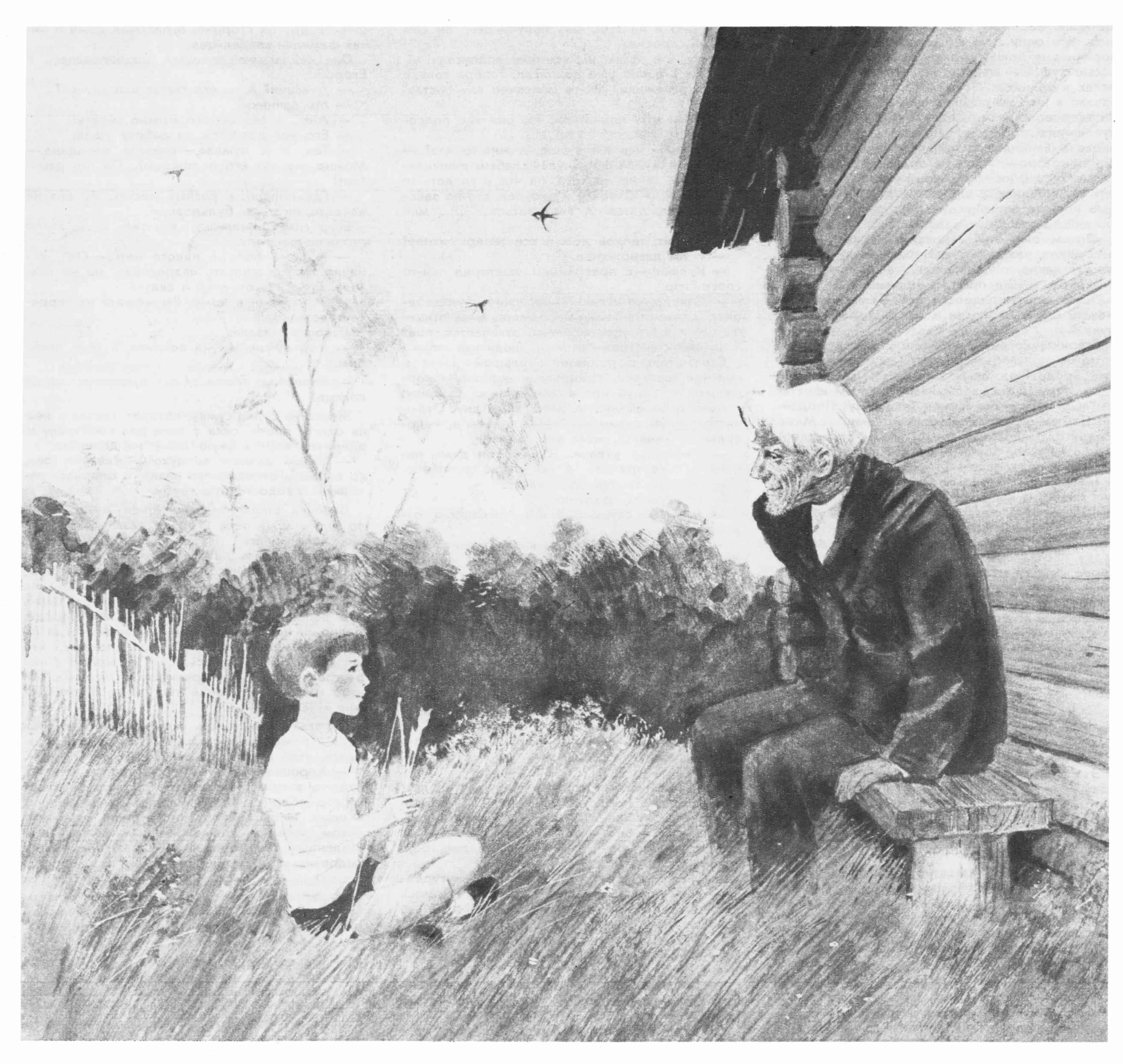
Звук был такой, будто целый оркестр взялся изо всех сил пилить в скрипки, дудеть в трубы, трещать, не в такт стучать по чем попало, без передышки, как только можно громче и противнее.

— У-у-у, гад!— стиснув зубы, с ненавистью прошептал Егорка и кинулся под крыльцо, где был у него спрятан лук и две стрелы.

Прячась за кустами смородины, он бесшумно прокрался поближе к сиреневому развесистому дереву.

Верещали воробьи, скворцы скрипели, не переставая, нечеловеческими, то есть нептичьими, голосами, совершенно непохожими на их обычное посвистывание маленьких дудочек, а под кустом, полузакрыв глаза, отводя морду в сторону, сидел кот с разбойничьей рожей, притворяясь, что понятия не имеет, из-за чего это такой шум поднялся.

Егор натянул тетиву, приподнялся над кустом, кот его сразу заметил и лениво встал.

С томной медлительностью, с нахальным равнодушием уверенного в безнаказанности бандита, которому просто наскучило слушать эту пискотню, котище стал уходить, едва передвигая лапы.

Нельзя сказать, что стрела просвистела, но все-таки полетела удачно. Правда, Егор, как всегда, промахнулся, но сам кот как-то подсунулся на то место, куда случайно угодила стрела. Ударившись о землю, она перекувырнулась и плашмя стукнула кота по хвосту. Кот, злобно вякнув, подскочил, помчался и с судорожной поспешностью протиснулся в лаз под забором.

Хриплые крики, скрежет и писк в сирени как ножом обрезало. Все смолкло. И снова начали посвистывать дудочки скворцов, оживленно загалдели воробьи, коротко засвистели синички.

Старик, прохлаждавшийся, как всегда, сидя на скамейке около входа в баньку, тихонько улыбнулся.

— Я его чуть не пронзил! — сказал Егор, и Старик засмеялся.

Старик все лето проживал тут в баньке и хотя числился хозяином дома, но на самом деле хозяйкой была Людмила, а его называли просто Старик. «Старик-то нынче будто не высовывался. Жив ли?». «Да высовывался было». «А-а, ну пусть». Вот так о нем говорила Людмила со своими сестрами и с мужем.

Муж ее, Анатолий, был Стариков племянник, единственный его родич, уже немолодой, белозубый, красивый, смуглый силач и тряпка. Людмила из него веревки вила. Это Егор сам слышал и верил, что так оно и есть.

Говорили еще, что она им помыкает. И, слушая, как за стеной Людмила на своей половине моет, ожесточенно шмякая тяжелой, мокрой тряпкой, пол, он представлял себе, что это Анатолий делается мягкий, как тряпка, а она им и помыкает. Помокает в ведро, шлеп об пол, а после и выкручивает его, как веревку вьет.

Тряпкой Анатолий был обычно всю неделю. Исключительно только под выходной он сильно выпивал и делался ко всему бесстрашен. Не ругался, не буянил, даже вроде затихал и только иной раз вдруг — гости не гости в доме, это ему нипочем — хватал со стола самое громадное блюдо с пирогом, с холодцом, что под руку попадалось, тихонько, но очень убедительно говорил Людмиле: «Прими руки, ушибу!» — и она уж знала, что лучше отодвинуться, и шел через двор в баню к Старику с блюдом на вытянутых руках. С поклоном ставил его там на столик и слезным голосом просил: «Папаня, вы это скушайте, настолько будьте добрые, вы извините, папанечка, покушайте вот этого!» — а иногда, подперев щеки здоровенными кулачищами, плакал жалостливо, по-бабьи, качая головой.

Старик мягко благодарил, соглашался, жалел племянника, старался утешить, если тот плакал, пирога не трогал и спустя некоторое время относил его с заднего крыльца обратно Людмиле. Попозже вечером он снова шел в дом за своей тарелкой, какая ему полагалась на ужин. А то сама Людмила несла ему ломоть пирога или кусок подтекшего в тепле холодца.

Отвоевавшись таким образом, Анатолий смирялся не сразу, а еще до того, как заснуть, долго тоскливо вздыхал, на разные лады бессвязно повторяя то с изумлением, то с вдруг ядовитой насмешкой или с отчаянием: «И кто у нас... кто?.. Старик!.. И где он у нас находится, где?.. Он в бане находится!.. Во-от где!.. А?..» И так без конца.

Людмила на него шипела и шикала, чтоб не позорился, дачникам все слышно, но ничего не помогало.

Старик Егору сначала очень не понравился. Он был некрасивый. Часто небритый, с седой

щетиной. Вещи на нем, видно, тоже состарились. Все одни и те же широкие, мешковатые коричневые брюки и пиджак. И глупые остроносые туфли — желтые, добела стершиеся на носах и задниках. Вставая со своей койки, он влезал в них, не расшнуровывая, они ему были здорово велики. И еще грубое какое-то полувоенного образца плащ-пальто, которое он надевал внакидку в прохладные, дождливые дни, к которому вовсе не подходили ни остроносые туфли, ни коричневый костюм в пузырях и морщинах, с широкими полосами, которые кое-где очень ясно проступали, а в других местах совсем исчезали.

«Зачем ему эти полоски?— первое время рассуждал, разглядывая Старика, Егор.— Получаются какие-то полуполосатые штаны. Лучше носил бы самые простые черные!»

Потом он пригляделся и совсем перестал замечать штаны, полоски и даже привык к Старику.

Старик никогда не произносил тех глупостей, которые так любят при детях говорить взрослые. Вроде Людмилы... Она часто, чтобы польстить маме, шутя, фальшивым голосом квохтала: «Ох, отдали бы вы нам Егорушку! Продайте! Нам такого мальчика очень нужно!..» Мама натянуто, равнодушно улыбалась, а Егор сдержанно молчал, складывая и стискивая в обоих карманах по кукишу в сторону Людмилы.

Теперь, как всегда в хорошую погоду, Старик сидел на лавочке у открытой двери своей баньки — там у него вечно было сыровато, и он все надеялся ее проветрить.

Егор подобрал стрелу, подошел и сел на траву против скамейки, а потом прилег, подперев голову рукой, и они стали обсуждать план, как бы насмерть перепугать кота, чтоб отбить его от подлой привычки подбираться и сидеть под кустом с кормушками для скворцов, синичек и дятлов.

— Прилетал сегодня опять. Рано,— сообщил Старик.

— Дятел? Который? Тот, с шапочкой? Большой?

— Да большой-то, когда хочет, вон он, слышишь, стучит? Нет, меньшой. Дурачок!.. Два раза подскочит, ткнет носом в кормушку: «Пип, пип!» — и отлетит. Привыкает уже.

Это было им обоим интересно, потому что новый маленький дятел был боязливый, прилетал только поутру, когда кругом тихо. Не то что большой!

Вообще со Стариком разговаривать было легко и интересно.

Взрослые, как известно, разговаривают с детьми особенным образом, а именно так, как следует, по их соображениям, говорить взрослому с ребенком, не замечая, что и дети тогда с ними разговаривают тоже особенным образом, приноравливаясь к тому, как, по их соображениям, надо детям говорить со взрослыми.

Старик — другое дело. Например, он ни разу не спросил, не получал ли Егор двоек, ни разу не задал этого бестактного вопроса, с которого взрослые обожают начинать знакомство, как будто им есть дело до того, как учится мальчик, которого они в первый раз в жизни видят. Ведь не каждому человеку приятно на этот вопрос отвечать! Можно подумать, что все они, взрослые, сами-то всю жизнь были круглыми пятерочниками!..

Со Стариком же у них разговор был такой, как будто двое стариков беседуют. Или, может быть, два мальчика. Нормально разговаривают два человека...

Как только исчерпал себя обмен мнениями о том, как бы насмерть перепугать кота, о том, как любят скворцы купаться, а синички непринужденно себя чувствуют, уцепившись за веточку вверх ногами,— Егор вспомнил один разговор, о котором не следовало рассказывать Старику. Он стал следить за собой, чтоб не проговориться, и Старик это, конечно, сейчас же заметил.

Просто несчастье какое-то: чем больше стараешься о чем-нибудь не думать, тем больше думаешь и обязательно проговоришься. Не зря мама говорила, что Егору лучше не пробовать скрывать какой-нибудь секрет, все равно все насквозь просвечивает, как стеклышко в аквариуме, и видно, что там рыбка хвостиком шевелит и глазки на тебя таращит, и круглый ротик у нее сам раскрывается.

Так оно и на этот раз получилось, он сам первый спросил:

— Ну, что ж, вы им все-таки подписали?

— Да я давно уже подписал. Теперь только заново освежили, как-то половчее там составлено.

— А вы хоть прочитали, что они вам подсовывали?

— Пускай как им лучше, а мне-то что?..— Старик со скукой отмахнулся слабым движением руки — точно от того, на что и глядеть-то тошно было.— Строчки я смотрел, это по закону так полагается. А вчитываться... Это мне зачем?..

— Значит, теперь дом и все теперь ихнее?

— И так давно ихнее.

— Кулаки!— с презрением повторил чьи-то слова Егор.

— Откуда же кулаки? Анатолий — бульдозерист, даже отличный, а Людмила и на птицеферме и в самодеятельности отличается, поет и пляшет с сестрами своими. Люди как люди...

Стремительно подлетел большой дятел в красной шапочке, прицепился к ветке с кормушкой и, сунув нос в консервную баночку, громко забарабанил по жестяному дну. Отрывисто гикнул своим коротким кличем и, недовольный, умчался низко над землей.

— Пускай не кулаки... Сам-то он даже ничего, только тряпка... А все равно противно.

— Что это ты так ополчился?

— Ее слушать противно.

— А ты не слушай. У вас помещение отдельное.

— Не слушай!.. А стенка какая тонкая? Мне все слышно, противно... Рассуждает, как она шифон-эр поставит, как сестру Лизку к себе поселит в пристройку, а Тоньку... тоже, как все устроит после.

— Это, значит, когда я умру,— без интереса, даже без вопроса сказал Старик.

«Ясно, просвечиваю насквозь, вон она и рыбка — вся на виду. И кто меня за язык тянул?..» — со слабым раскаянием подумал Егор. И вздохнул. Но пятиться было поздно.

— Да разве это правда, что вы скоро умрете... или скончаетесь?

— Что-нибудь из двух,— дружелюбно, хотя и слабо усмехнулся Старик.— Еще вот не выбрал.

Егор повалился на спину в траву и стал, глядя на облака, представлять себе, как это бывает, когда умирают. Быстро зажмурился, замер, сказал себе «я умер», но ничего не вышло. Ему хотелось как-нибудь загладить разговор.

— Знаете что?— Егор снова сел по-турецки.— Если тогда мы еще не уедем с дачи... Можно, я вам на грудь надену и прицеплю ваши медали? Можно?

— Что ж, хорошо...— подумав, согласился Старик.— Пожалуйста... Спасибо. Договорились.

— Договорились. А то они все такие...— Егор брезгливо сморщил нос.— Невнимательные!

Старик задумался или устал. Уперся, сгорбясь, руками в края лавочки, сощурился, рассеянно, чуть заметно улыбаясь — не тому, что было у него перед глазами: Егору, сидящему по-турецки, траве в пятнах солнца и тени, птицам, которые перепархивали и суетились в густой листве отцветшей сирени,— а самому себе, наверное, своим мыслям.

Егор встал и поплелся к дому. На полдороге оглянулся. Не то что Старика, а даже крыши баньки, приткнувшейся на задах участка, не было видно... Становилось скучновато.

За лицевым штакетным заборчиком немощеная улица спускалась под уклон к речке.

Промчался мотороллер, и следом за ним повис и долго стоял, медленно редея, прозрачный занавес белой пыли. Хмурая собака озабоченно пробежала, видно, куда-то опаздывая. Две бабы с кошелками, непрерывно переговариваясь, прошли, поднимаясь на пригорок — наверное, со станции, поезд пришел.

— Это дом Духанина?

Девочка стояла на улице у штакетного забора и читала фамилию над почтовым ящиком у калитки.

— Духанина,— сказал Егор, подходя поближе.

— Мама!.. Это тут!— окликнула девочка молодую женщину в клетчатой рубашке, клетчатой короткой курточке и короткой юбке, та шла по другой стороне, оглядывая дома и читая фамилии владельцев.

Она сейчас же подошла, поздоровалась с Егором.

— Духанин? А ты его сынок или внучек?

— Мы дачники.

— А-а... А его самого можно видеть?

— Его нет дома, он на работу ушел.

— Так я и думала,— сказала женщина.— Можно, мы тут его подождем?.. Он где работает?

— Где попало, в разных местах. Вы его не найдете, он же на бульдозере.

Егор открыл калитку, впустил их и запер опять на щеколду.

— А дома больше никого нет?..— Она, конечно, хотела сказать «взрослых», но не сказала. Егор это отметил и сказал:

— Я тут один в доме. Вы можете на терраce подождать.

Девочка сказала:

— Нет, лучше уж на воздухе, в тени посидим.

— Конечно, лучше. Там духотища, когда солнце.

Женщина сняла сумку, которая висела у нее на одном плече, села в тени дома на траву и одернула коротенькую юбку на коленях.

— Будем дышать воздухом,— сказала она, со вздохом откидываясь назад, и оперлась затылком о водосточную трубу.

Девочка стала прохаживаться взад-вперед по дорожке. Теперь Егор ее разглядел, и она ему понравилась. Поэтому он отвернулся и стал не обращать на нее внимание. Она тоже не обращала на него никакого внимания, проходя мимо него, внимательно рассматривала все, кроме него, и даже вроде сквозь него. Это наполнило горечью обиды его сердце. Ладно, я некрасивый, неинтересный, тогда по крайней мере буду грубияном, покажу, что нисколько не нуждаюсь. Сам не желаю с ней разговаривать. Даже презираю, и мне смешно, чтоб какая-то девчонка подумала, будто она мне интересна.

Он стал насвистывать сквозь зубы, как умел делать один очень противный мальчишка, стараясь, чтоб вышло как можно более похоже.

— Хороший у вас воздух!— неопределенно, куда-то в пространство проговорила девочка.

Егор обернулся. Обращалась она, видимо, к нему. И он хрипло сказал очень странным тоном, каким-то промежуточным между заготовленным презрительным безразличием и обрадованным дружелюбием.

— Ничего...— И покраснел, с отвращением услышав свой голос. Вякнул эдакую тупость, точно трехлетний сопляк, который стоит, ковыряя в носу, и на все в ответ сипит: «Ничего»... Тьфу!

— Только скучно, наверное, одному сидеть.

Он чуть было не просипел опять «Ничего», да спохватился и вполне изысканно ответил:

— Я никогда не скучаю в одиночестве... Наоборот, тут люди кругом, только малоинтересные. Со Стариком беседуем.

Разговорились, и Егор к слову сказал, что Старик живет в бане.

— Неужели? Все время живет? И ему там не жарко?— смешливо осведомилась девочка. Она начинала казаться Егору совсем симпатичной.

Он кое-что неплохо рассказал про Старика, но вовсе ни к селу ни к городу — по обыкновению не удержавшись — приплел кое-что про Людмилу да еще и вместе с «шифонэром», до которых девочке не было никакого дела.

— А может, твой Старик знает? Можно у него спросить, когда вернется хозяин?

— Да нет, откуда ему знать?— сказал Егор.— Хозяин просто его племянник. Откуда ему? Он вообще тут не в курсе дела.

— А как его зовут?— Мама девочки слушала их разговор.

— Старика?.. Вы знаете, я как-то даже не знаю.— Он с некоторым удивлением припомнил, что отлично как-то обходился, никогда не называя Старика по имени.— Хозяина зовут Анатолий.

— Я спрашиваю фамилию.

— А-а, так вы же сами читали у калитки дощечку, это его фамилия, Старика. А Анатолия тоже Духанин фамилия. Одинаковые у них.

— Он сейчас в бане?— сказала девочка.

— Да нет, он просто живет в бане, пока лето!

— А ты знаешь, где это?— спросила женщина.

— Да здесь же! Вам показать? Вон там!

Женщина вскочила и отряхнула юбку.

Егор побежал рядом с ней, показывая дорогу, и только они обошли вокруг сирени, как им открылась банька.

Старик смотрел с удивлением, как незнакомая молодая женщина, оглядываясь по сторонам, быстро шагает по тропинке прямо к его баньке. Клетчатая курточка, коротенькая юбчонка — видно, как, попадая то в пятна солнца, то в полосы тени, бегло мелькают на ходу ее легкие, светлые ноги.

Старик поднял голову, а потом встал им навстречу.

Обогнав в последнюю минуту женщину, Егор выскочил вперед:

— Вот пришли, спрашивают хозяина, а никого дома нет!

— Добрый день,— таким же свежим и оживленным, как она сама, голосом, с извиняющейся улыбкой, проговорила женщина.— Дело в том, что мы разыскиваем... мы очень хотели бы повидать Духанина.

Старик стоял перед ней, безуспешно, пальцами одной левой руки, стараясь зацепить и стянуть вместе концы расстегнутого воротничка рубашки, не замечая, что там и пуговки-то нет. Попутно он наткнулся и почувствовал под рукой свою небритую щетину на подбородке и, бормоча какие-то извинения, стал пятиться, наткнулся на косяк и, быстро повернувшись, исчез в темном проеме двери своей баньки.

Через минуту он появился снова. Теперь он накинул на плечи свой полувоенный плащ, придерживая его края изнутри, сжимая одной рукой на груди. Наверное, он считал, что в таком виде он выглядит поприличнее.

— Какой же именно вам Духанин?.. Вы спрашивали?

— Да, вот какой именно?— Женщина едва заметно,одними ладонями сделала беспомощное движение недоумения.— Я сама не знаю. В прошлом году мы ездили, в снегу увязли, чуть не заморозились, однако нашли... Но оказалось — ничего подобного. Не тот. А сколько вашему племяннику лет? Вы меня извините, я не от любопытства.

— Анатолию?.. Наверное, за тридцать или уже тридцать три, может. Вот так.

— О-о!..— разочарованно протянула женщина.— А мы сидим, его ждем. Он тогда мальчишка был. На войне он, конечно, не мог быть. Ничего и слыхать не мог... А вам ничего не говорит такая фамилия — Гедда? Подумайте, припомните: Гедда?

Старик насторожился, взгляд у него прояснился, он теперь испытующе уставился прямо в глаза женщины.

— А вы... тоже слышали?

— Я-то слышала. А вы? Вы, вы?..

Старик отвел глаза в сторону и точно в рассеянности проговорил:

— Лёля Гедда...

Женщина с силой прижала ко рту ладонь с раскрытыми пальцами, точно боялась, что вскрикнет, а девочка уцепилась ей за локоть.

Женщина оглянулась на нее, на Егора, который стоял рядом, разинув рот.

— Да, Лёля Гедда — это моя мама. Я в первый раз в жизни сейчас услышала ее имя. От постороннего...— Она опять обернулась, вспомнив про девочку и Егора, и нетерпеливо сказала:— Лёля, идите с мальчиком... походите там, идите, идите, дайте нам поговорить... Ведь можно с вами поговорить?— обратилась она к Старику.

Тот, не выпуская из руки стиснутые края плаща, сделал неуклюжее приглашающее движение свободной левой рукой. Они неудобно сели рядом на скамейку.

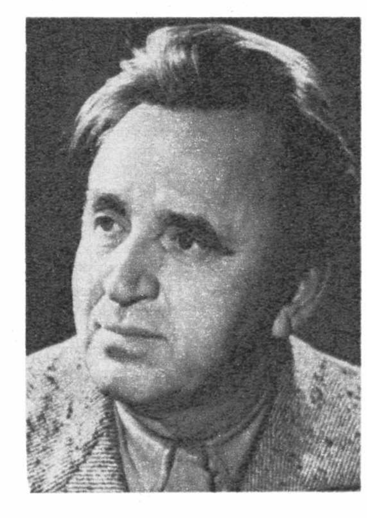
— У меня сердце оборвалось, когда вы это сказали... Ведь мне уже сниться стало, что я когда-нибудь найду, хоть кого-нибудь... Во сне сто раз находила, а вот наяву...

Девочка и Егор шли, уходили медленно и молча, стараясь побольше расслышать. Но уже скоро даже звука голоса не стало слышно, потому что шумели на ветру листья, и как ни осторожны были их шаги, но и они шуршали по траве, мотор рокотал в поле по ту сторону улицы, то удаляясь, то приближаясь...

Окончание следует.

ТРАВА ЛУГОВАЯ

К 60-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ВИКТОРА БОКОВА

И трудно и легко говорить о поэте Викторе Бокове. Трудно потому, что не просто охватить взглядом все, сделанное Виктором Боковым,— от стихов до статей, от песен до поэм, а легко потому, что Виктор Боков всегда в действии, всегда вдохновлен и окрылен ветром молодости и призвания.

Не скоро найдешь поэта, так беззаветно и безоглядно ушедшего за своей «жар-птицей». Как-то внезапно и озорно, свежо и певуче откликнулся он много лет назад на соловьиные переливы Александра Прокофьева, и с тех пор звучат его стихи, славя пахаря и звездного летчика, плотника и сталевара, утверждая пламенным словом дружбу грузин и украинцев, молдаван и казахов, дабы ярче светился огонь верности и братства — и ратного и трудового.

Настоящий поэт — явление интереснейшее. И попробуй-ка, встретившись с Виктором Боковым, быстро попрощаться с ним. Сразу же на тебя хлынет водоворот новостей, впечатлений, событий, выводов и, разумеется, стихов, стихов!..

Святая и клокочущая любовь к отеческой земле, к истории, к делам сограждан бросает его то в Заполярье, то на сибирские новостройки, то в кубанские степи, то на Мамаев курган.

И богат он щедростью воспринимать и делиться, удивляться и находить. География его творчества — география Отчизны, путь его творчества, его раздумий и огорчений, радостей и высот — путь державных забот и созиданий.

Валентин СОРОКИН

Виктор БОКОВ

* * *

Трава луговая,
Зачем ты завяла?
На этой поляне
Я с милым стояла.

На этом пригорке
Сказал он два слова.
Два слова. Я слушать
Их вечно готова.

Трава луговая
Под стать изумруду.
Два слова! А я их
Вовек не забуду!

Сказал он так скромно,
Так нежно-негромко
Два слова простые:
Родная сторонка!

Я слышала это,
От счастья сияя,
В надежде, что я ему
Тоже родная!

* * *

Я знал и радость,
Я знал и горе,
Я это лично пережил.
Печаль свою на чьи-то плечи
Ни разу не переложил.

Как ночь, я умирал с рассветом,
Рождался, глядя на зарю.
Мне трудно было, но и за это
Судьбу свою благодарю!

ГИМН ПОЛЮ

Мне поле дорого зимою,
Когда на нем лежат снега,
Мне поле дорого весною,
Когда на нем шумят хлеба.

Оно — мой труд, мое старанье,
Моя любовь из года в год.
Иду я в поле на свиданье,
А там меня работа ждет!

Погода будь иль непогода,
Холодный ветер или дождь,
Земля, в любое время года
Со мною ты свиданья ждешь!

Я обручен навек с тобою
И о тебе всегда пою.
Я твой солдат. Ты поле боя
За хлеб, за Родину мою!

СТОРОНУШКА

Сторонушка, сторонушка,
Ты сердцу дорога,
Когда цветет черемуха,
Когда лежат снега.

Сторонушка, сторонушка,
Зеленый шум лесов,
Ты рано просыпаешься
От птичьих голосов.

От говора певучего,
От гула тракторов,
От пенья самолетного,
От шума поездов.

Сторонушка, сторонушка,
Равнины и поля,
Не первый год уверенно
Цветет краса твоя.

Тебя, моя сторонушка,
Я исходил пешком,
Со мной была подруженька,
Гармошка с ремешком!

ИНДЕКС СОЛНЕЧНОСТИ

К. БАРЫКИН,
И. ТУНКЕЛЬ

В Московском архитектурном институте шла защита дипломов. Наверху, под самой крышей — а она здесь стеклянная, — то ли зал, то ли лабиринт перегороженных комнатенок...

Аудитория № 500. Три ступеньки. Дверь. На ней категорическое: «Вход дипломникам — только!». Ради любопытства может, конечно, забрести сюда и первокурсник. Но что ему тут делать — в нагромождении эпох и стилей, рисунков и подрамников?

...В архитектурном — страда. И хоть «жатва» ежегодная, растят «урожай» пять лет, пять лет учебы. Ну, если страда, то должна быть у нее и кульминация, какой-то самый приметный день. Сегодня? Да, сегодня, когда собрались именитые, прославленные своими творениями архитекторы. Пришли и свои, институтские,— ректор, проректоры, профессора и преподаватели. Предстоит обсуждение дипломных проектов. Мы тоже знакомимся с десятками студенческих предложений, и приходят на память слова крупнейшего зодчего Шарля Эдуара Жаннере-Гри, более известного под псевдонимом Ле Корбюзье: «В Москве поразительное обилие всяких проектов; здесь планы заводов, плотин, фабрик, жилых домов, проекты целых городов. И все делается под одним лозунгом: использовать все достижения прогресса. Архитектура расцветает, растет, зреет и одаряет своими плодами тех, кто в ней что-либо смыслит и поклоняется ей, как божеству».

А кто в наше время признается, что ничего не смыслит в архитектуре? В институт паломничество — что там придумала молодежь? Идут на отчетную выставку маститые градостроители и начинающие. Робко и восторженно переходят от проекта к проекту вчерашние десятиклассники, а теперь первокурсники.

Но выпускникам не до них, они держат свой главный экзамен — перед людьми и городами. И перед селами. Вот этот макет весь посвящен селу. Не вообще селу, а конкретному колхозу имени В. В. Куйбышева, Кировского района, Талды-Курганской области. Проект готовился по заданию правления колхоза.

— Где авторы?

— Ищите в казахстанском поле, на целине,— отвечают на кафедре. И уточняют: Н. Койшибеков, Ш. Отепбаев и Б. Талкамбаев уехали в «свой колхоз». Ребятам не терпится, хотят приступить к делу, взяться за «вторую серию» диплома, за претворение его в жизнь. Комфортабельные дома, продуманно использованный ландшафт, рационально и выразительно спланированная центральная усадьба — авторы проекта стараются не отстать от времени и даже в чем-то опередить его. Ведь архитектура — всегда шаг в завтра. Если это настоящая архитектура.

ПОДШЕФНЫЕ СТРОЙКИ

Город этот особый. Бывший Гжатск, ныне Гагарин — родина первого космонавта. С трогательной любовью, самоотверженно работают тут каждое лето студенты, чтобы помочь городу в поисках необщего лица, чтобы перенести на планшеты улицы, улочки, а затем поразмышлять над этими планшетами: каким мог бы стать город Первого космонавта Земли? Не все ясно, не все безоговорочно, но это вовсе не ослабляет привязанность ребят к теме, к городу.

В одной из аудиторий мы разговорились с Мишей Туркатенко — душой и заводилой многих начинаний. Туркатенко и его товарищи сформировали в прошлые каникулы студенческий отряд.

— Строили коровники... Ведь архитектура не только ансамбли и дома-уникумы.— И продолжает: — Большинство же наших парней и девчат поехали в Гагарин. Работали там.

В работах студентов масштабность и камерность сливаются воедино, чтобы стать строкой градостроительного плана, страницей теоретической работы или вторгнуться в жизнь, в гущу ее. Как это стало с Байкало-Амурской магистралью. Силами студентов под руководством кафедры основ архитектурного проектирования разработаны форпроекты железнодорожных вокзалов для БАМа.

Мы пошли на кафедру профессора Н. Н. Улласа, чтобы посмотреть и другие бамовские проекты. Известный зодчий, лауреат Ленинской премии опередил нас вопросом:

— Каким должно быть временное жилье?

И сам же ответил:

— Не в последнюю очередь — комфортным. Но это не исключает высокую технологичность построек.

Вошло едва ли не в правило: начинать большую стройку с палаток, бараков. Но почему? Студенты под руководством преподавателей разрабатывают проекты иных «времянок» — сборных домов и домиков. Из современных материалов. Со всеми видами благоустройства. Реально ли? Реальнее, чем барак. Ведь его надо строить, а такой временный дом — всего лишь собирать. Из деталей, сделанных на заводе.

Нам показали коттеджи со стенами из пластмассовых деталей, разноцветные, веселые. Наверное, в такой домик после смены приятно прийти.

ПОИСКИ

Дзержинский район, улица Жданова (своя улица, родная, на ней, в доме № 11, и располагается институт!), Сретенка, Измайлово, Красная Пресня, Нижние Мневники и еще два интересных проекта. Первый из них — детский рекреационный центр.

— Это город аттракционов, игр и развлечений,— объясняют нам.— Дипломант Г. Бобров предложил разместить его в пойме реки. Предусмотрены секторы технических игр, искусства, зоосад, новый уголок Дурова...

Находясь в институте, на выставке дипломных работ, можно из игропарка «шагнуть» на Сретенку. «Пусть она станет торговой улицей»,— предложил дипломант А. Шнырев. И оснастил свое предложение солидной, детальной разработкой. Он рассказал об улице так, как он ее видит. Специализированные магазины, движение только пешеходное. Транзитный транспорт — в подземном тоннеле, на глубине пяти метров. Над подземным этажом — еще три: первый — входы в магазины и рестораны, реклама, киоски, кафе; второй этаж — объединяющая торговые здания гале-

---

Выставка дипломных работ.

Таким видится будущим зодчим экспериментальный район в Северном Чертанове.

Деталь интерьера, выполненная М. Ивановой и Л. Ивановым.

Тольятти. Свет — тоже архитектура.

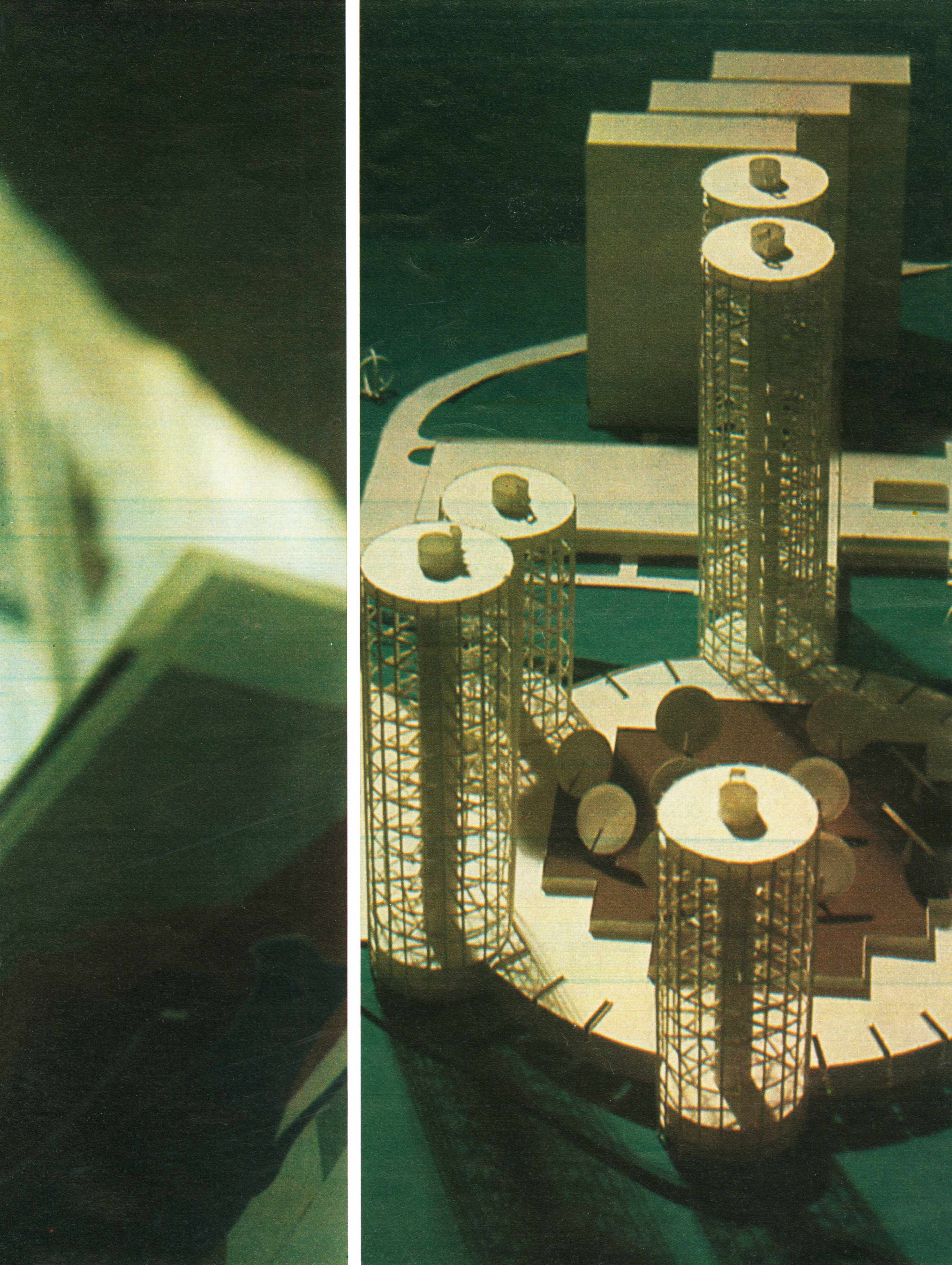
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Валентина Корнева — студентка пятого курса.

Теплично-холодильный комплекс может быть и таким. Проект дипломанта А. Сергеева.

рея, тоже со входами, прямо в торговые залы. Эскалаторы могут поднять и выше. Детально разработанный комплекс универсальных магазинов автору представляется четырехэтажным. То ли сказывается соседство с институтом, то ли впрямь на Сретенке есть где разгуляться фантазии архитектора, но вот еще один проект, В. Ходнева,— общественно-торговый центр на Сретенке. Автор создал улицу-пассаж. С одной ее стороны — торговые здания: универмаг, продовольственный магазин, детский мир, кафе и книжный магазин, почта, парикмахерская.

Близ Сретенки — улица Жданова.

— Проектанты представляют ее улицей Искусств,— замечает проректор института Александр Владимирович Степанов.— Старинная архитектура, выставочные залы... И наш институт.

Одухотворенностью мысли, поиском, стремлением к красоте, изяществу отмечены студенческие работы. Эскиз атомной станции. Комплекс зданий и сооружений для международной выставки на Красной Пресне. Автомобильный завод. Центр автосервиса. Птицеград. Жилой район в Орехове-Борисове на 36 тысяч человек. И снова — Красная Пресня, проект реконструкции комбината «Трехгорная мануфактура».

Когда студент Б. Валкин выбрал эту тему диплома, он «переселился» на «Трехгорку». Ходил, вымерял, знакомился с документами, архивами, говорил с ветеранами предприятия, с молодыми рабочими.

Бережно сохранив все, что стало неотъемлемой частью нашей столицы, ее историей и славой, Валкин попытался придать фабрике облик подлинно современного текстильного предприятия. Отделочное производство разместилось на железобетонных опорах над старым корпусом. В здании, смотрящем на Москву-реку,— швейное производство. Где-то здесь же, тоже со стороны набережной, в первом этаже — выставочный зал готовой продукции, фирменный магазин.

Предприятие недавно отметило свой юбилей. Если 175 лет назад Прохоровская мануфактура была одинока в этом районе Москвы, то сейчас комбинат оказался с градостроительной точки зрения в весьма сложном окружении. Приходилось учитывать и историческое значение предприятия. Старые постройки дороги москвичам как реликвии боевой, революционной Красной Пресни. Они важны и потому, что являются образцами фабрично-заводской архитектуры XIX века. И дипломант предлагает сохранить здания, найдя им посильную работу. В новых условиях тут можно разместить музей, учебный центр...

Отходим от планшетов, отметив в блокноте: «Выполнено по заказу предприятия».

Заказ предприятия, задание колхоза, просьба исполкома, строка из Генплана — вот откуда черпают темы дипломов студенты Московского архитектурного института. Не оттого ли их проекты столь привлекательны?

ЗАВОД, РУДНИК И КУПОЛА

Профессор С. Демидов вышел навстречу, когда мы поднимались к нему наверх,— он не рассчитывал, что в переплетении институтских коридоров и коридорчиков мы сможем найти его кафедру — промышленных сооружений. Тесно живет институт, очень тесно, приходится использовать каждый метр площади.

— Пока выручают оптимизм и архитекторская изобретательность.

Серафим Васильевич Демидов улыбается. И сразу переходит к делу. Показывает нам удивительно рациональные, неожиданные по цвету интерьеры крупного завода. «Правильный подбор цветовых решений,— сказал нам профессор,— поднял производительность труда на этом предприятии на 10—12 процентов».

Вот они, еще не использованные резервы!

Под «крылышком» демидовской кафедры — промышленная архитектура. Та же «Трехгорка» вышла отсюда. Авиационный завод — тоже. Крупные механические мастерские. Ткацкое производство. Рудник. Завод железобетонных конструкций. Центр автосервиса — тут и магазин по продаже автомобилей, и гараж, и зона ремонта, и техническое обслуживание...

— Вот сколько всего предложили и разработали студенты! А если интересуетесь, найдем еще с десяток стоящих проектов.

...Николай Михайлович Гусев беседу с нами начал с того, что попросил зашторить окна. На какое-то мгновение комната погружается в кромешную тьму. Но лишь затем, чтобы еще через секунду вспыхнуть всеми красками вечерней улицы.

— Это город Тольятти,— поясняет профессор.— Предложение по оформлению улицы...

Рисунки, обычные при дневном освещении, в темноте обрели необычно звонкую, яркую окраску. Дома, фонарные столбы, реклама, витрины.

— Никаких фокусов мы не предлагаем. Называется все это световой архитектурой города, продуманным использованием светящихся красок. Минимум дополнительных затрат, максимум выразительности. Пусть свет станет дирижером улицы.

— Только ли улицы?

— Интерьеров — тоже.

Но это уже несколько иная проблема. Статья о ней в одном специальном журнале названа так: «Солнечный образ в архитектуре Московского метро».

— Солнце в метро?!

— Именно так. Выведен, математически определен и практически проверен «индекс солнечности». Найдена его формула, существует порядок расчета, создана простая модель архитектурного светового образа. Появились и его слагаемые — показатели живописности и светоносности, если хотите, светового комфорта и светонасыщенности...

— Какую же из московских станций метро следует признать самой солнечной?

— Высокий индекс солнечности имеют радиальная станция «Проспект Мира», «Маяковская», ряд других. У Куприна есть строка: «Впечатление такое, что находишься в хрустальном дворце, озаренном солнцем, а не глубоко под землей». Писатель это сказал, познакомившись со станциями столичного метро.

— Как расшифровать индекс солнечности, с чем привычным он сравним?

— При оценке качества световой архитектуры интерьеров метро за идеал принимают условия природного солнечного освещения.

Интересные и нестандартные, пусть в чем-то и спорные работы показали нам на кафедре профессора Петра Петровича Ревякина. Здесь уже речь идет не о свете, а о цвете. Кандидатом архитектуры А. Ефимовым и студентами Ю. Моисеевым, О. Погорелко, Е. Васильевой, Е. Ершовой уже разработаны варианты цветовых решений зданий экспериментального района в Северном Чертанове.

...Студенты увлеченно, с пониманием меры своей ответственности подходят к новым инженерным задачам, которые стоят ныне перед архитектурой. С их активным участием входят в строительную практику однопролетные перекрытия огромных помещений, те самые чудо-купола, о которых «Правда» писала: «Автор одного из первых запатентованных в конце сороковых годов кристаллических куполов — профессор Московского архитектурного института, доктор архитектуры М. С. Туполев. До последнего времени у нас в стране они не находили широкого применения. Но вот в 1971 году в Горьковском инженерно-строительном институте был создан кружок студенческого научного общества при кафедре архитектурного проектирования... Здесь-то и заинтересовались идеей кристаллических куполов». Так разработка москвичей перешагнула границы института. Пошла по стране, во всяком случае, в Горьком такие купола уже возводят. Строят их и в других городах, строят в Подмосковье. Десятки работ студентов, преподавателей кафедр, на которых мы успели побывать, уже находят практическое применение. И вот что надо отметить особо — общность творческих интересов, объединяющих студентов и профессоров в единый коллектив. Как сказал однажды академик П. Л. Капица: хороший вуз — это тот вуз, который дает возможность развиваться талантам преподавателей так же широко, как и талантам их учеников.

...Сегодня в полдень у нас встреча с ректором института профессором Юрием Николаевичем Соколовым. Он очень пунктуален — мы к этому привыкли. И были чуть удивлены, когда проректор по научной работе З. А. Казбек-Казиев просит нас немного повременить. «Неожиданный визит. Приехала гостья из Франции. Ректор знакомит ее со студенческими работами».

В одном из рабочих пригородов Парижа, в мэрии, депутаты которой — коммунисты, осенью ожидается выставка архитектуры. Авторитет студентов московской архитектурной школы высок и за рубежами нашей страны («Дипломы и первые премии на самых выдающихся конкурсах!»). Вот и появилось желание познакомить французов с их творениями.

Парижанка уходит, и теперь Юрий Николаевич может ответить на наш вопрос: «Каковы итоги года?».

— В этом году у нас 233 выпускника. Экзаменационные баллы поделились так: 150 человек получили «отлично», двое —«удовлетворительно», остальные —«хорошо». Темы дипломных проектов взяты из жизни, они реальны. Это стало обычным, традиционным для выпусков последних лет. Результат: к внедрению рекомендовано 138 работ. Интересны проекты олимпийского стадиона, домов из пластмасс, торговой улицы. Многих привлекла «Трехгорка». Новы для выпускников нашего вуза дипломы, связанные с реставрацией уникальных архитектурных памятников. И первый среди них — Коломенское.

— Прошу отметить и работы студентов-иностранцев. Недавно у нас побывали видные зодчие профессора Иоахим Бах из ГДР и Петр Ташев из Болгарии. Когда мы показали Иоахиму Баху один из дипломных проектов, он воскликнул: «Это же наш Виттенберг!» «Да,— подтвердили мы.— Это проект общественно-торгового центра в городе Виттенберге. Выполнен он Иохеном Крюгером». Петра Ташева привлек проект здания оперы для Софии.

Несколько лет назад из ЦК ВЛКСМ сообщили: польская молодежь приглашает принять участие в разработке проектов познанского парка Дружбы и братства. Москвичи не заставили дважды повторять приглашение. Эскизный проект появился в 1973 году. Затем авторы его поехали в Познань,— предложение москвичей получило высокую оценку. И вот новое задание: детальный проект парка и в нем — Аллея советских республик...

— Все это хорошо, все это значительно и не может не доставить нам, преподавателям, удовлетворения. Но мы не обольщаемся,— продолжает Юрий Николаевич.— Состоявшийся недавно профессиональный, строгий, требовательный разбор работ выпускников архитектурных вузов и факультетов, в том числе и выпускников нашего института, выявил неиспользованные возможности и обязывает нас ко многому. Надо совершенствовать подготовку зодчих, улучшать и дипломное проектирование. Стремительный ритм, грандиозные планы, вызвавшие к жизни тысячи новых строек,— это прямое задание архитекторам. И не в последнюю очередь молодым. Словом, дел впереди много. На повестке дня и вопрос о послевузовском архитектурном образовании. Вместе с Государственным комитетом по гражданскому строительству и архитектуре подготовлено предложение о высшей творческой аспирантуре. Институт выступает с программой двухгодичной школы высшего градостроительного мастерства.

В эти дни мы посмотрели много проектов молодых зодчих. Они очень разные, как и авторы. Но есть нечто такое, что объединяет их, кроме любви авторов к выбранному делу, кроме присущей архитектурной молодежи дерзания, талантливости. Индекс солнечности? Пожалуй, да. Этой солнечностью щедро одарены многие проекты будущих творцов новых городов, заводских зданий, стадионов, театров...

Накануне экзамена.

Эта стройная геометрия куполов разработана на кафедре профессора М. С. Туполева.

Турсынхан
АБДРАХМАНОВА

НЕЖНОСТЬ

ДОРОГИ

1

Не перечесть в родной степи дорог.
Вся наша жизнь — сплетенье уз дорожных.
Бывает, путь и ровен и широк,
Лежит в душе мятежной и тревожной.

И вихрем ввысь уносится душа,
Чтоб облака разъединить скольженьем
И пасть на гребни волн в изнеможенье
И снова взмыть под солнцем, не дыша.

О молодость, алмазен твой булат!
Ему легко преодолеть преграды:
Опасность брода, и отвесный скат,
И шумную внезапность водопада.

О молодость, тебе доступен риск.
То оступаясь, то взлетая снова,
То безоглядно низвергаясь вниз,
Ты постигаешь суть пути земного.

2

В степи дорог бессчетные сплетенья,
Дорог сплетенья в душах пролегли.
Минуя повороты и паденья,
Иных дороги прямо увели.

То путь широк, то вязок, то извилист,
То бездна низвергается пред ним...
Когда друзья бы рядом находились,
Любой бы путь казался нам прямым.

И жизнь была бы светлой и беспечной,
И радостью наполнен труд любой,
И в дни, когда беда падет на плечи,
Уверенность откликнется судьбой.

Судьбой, которой многое подвластно,
Судьбой, способной горе отогнать.
Нам было б легче перевал опасный
Преодолеть и в путь уйти опять.

Одни дороги проложить сквозь чащи,
Другие в узел накрепко сплести...
О, как порою жизнь зависит часто
От поворотов нашего пути!

* * *

Нет, суть вещей по-прежнему нетленна,
Добро и зло в ней рядом неизменно.
Но тот,
Кто проповедует добро,
Не должен зло творить одновременно.

И без того под беспристрастным взглядом
Следы их вечно остаются рядом.
Вся жизнь,
Как малый атом в ней,
Сложна разноименностью зарядов.

МЕЧТА

Мечта моя — о радость и печаль!
Воистину в тебе мое спасенье.
Куланом диким сердце рвется вдаль,
Лишь свист лассо
Приостановит рвенье.

Мечта моя — о радость и тоска!
Моей души взметнувшееся пламя,
Мираж степной вот так издалека
Мне машет белоснежными крылами.

Мечта моя, томящая мечта!
И жизнь и счастье — все полно тобою.
Жизнь без тебя
Бесцветна и пуста,
Как ливень, прошумевший стороною.

ЧЕЛОВЕК

Человек — нет сложнее загадки на свете.
Мир его, как гора, держит тайны в секрете.
Сколько раз миновали мы друга с улыбкой,
Что-то главное в нем не поняв, не заметив!

Как легко создавали себе идеалы,
Самых лестных сравнений придумав немало!
И лишь только тогда прозревали, к
несчастью,
Когда шишки нам щедро судьба раздавала.

Человек — в нем любое начало живуче.
Как в нем друга узнать, как понять его
лучше,
Чтоб огонь сожаленья, наполнив зрачки,
Не спалил бы дотла, пустотой не измучил...

НЕЖНОСТЬ

Куда исчезли выдержка и сила,
Все ожило, что прежде я забыла.
О сердце, подчиненное судьбе,
Что так тебя сегодня окрылило?

И взмыла ввысь душа моя, как птица,
Чтобы в огне живящем возродиться.
Ты, разум,— мой спаситель в вихре дней,
Открой мне тайну, как с пути не сбиться.

А твердость я свою могла когда-то
Сравнить ну разве с твердостью булата.
А ныйче исчезает и она,
И нежность опускается крылато.

И я страшусь неистовых метелей,
Чтоб нежность ненароком не задели.
И я страшусь:
Когда бы ту же власть
Иные чувства над судьбой имели...

* * *

Тростник начинает твердеть.
Верни меня в память свою.
Осыпалась грустная медь.
Верни меня в память свою.

Не облако — сердце твое
У неба дрожит на краю.
Сквозь холодность и забытье
Верни меня в память свою.

И лебедь один-одинок,
Увидишь — и вспомни меня.
В степи погибает цветок,
Свою беззащитность кляня.

В печали, как в черной воде,
В лесу ли,
В открытом бою,
В надежде,
в прозренье,
в беде —
Верни меня в память свою!

ЕДИНСТВЕННЫЙ МИГ

1

Серебряной птицы горит надо мною крыло.
И слово родится и в горле встает тяжело.
И вот уже силой волшебной наполнилась я.
Ах, разве со мною во сне это произошло?

Ах, разве со мною во сне это произошло?
Над твердью земною стальное запело
крыло,
И я не успела на миг обернуться назад —
Всесильное Время меня над землей
вознесло.

Остались стихи мои.
Как им, потерянным, быть?
Какую надежду отныне с собою носить?
Единственный миг —
он и ключ от нелегкой судьбы
И наикратчайшая между событьями нить.

2

Что может быть горше сознания, что не
дойти
До избранной точки, намеченной в дальнем
пути?
И вот как спасенье от смерти, от муки, от
зла
Единственный миг нам дается, чтоб
счастье найти.
Единственный миг — и душа воспарит в
небесах.

Единственный миг — и сорвется, и слезы
в глазах.
Друзья мои!
Счастье всей жизни решает порой
Единственный миг, прозвучавший о ста
голосах.

В потухшее пламя он бросит веселый язык,
Спасет, и погубит, и снова спасет, многолик.
Всесильное Время, склоняюсь пред властью
твоей.
Судьбу целой жизни
Решает единственный миг.

ЧУВСТВО

То ли ветер, вспуганный ребенком,
То ли нераскрывшийся цветок,
То ли над землей пропевший звонко
Ливня пробужденного поток...

Ты живое наполняешь светом,
Можешь оживить меня лучом,
Убаюкать, подсказать примету,
Вспыхнуть трелью над моим плечом.

Многогранно и разноголосо,
Ты напоминаешь мне порой
Звуков переливчатой игрой
Серебро, вплетаемое в косы.

Скольких ты строптивых погасило,
Сколько тайн раскрыло пред судьбой!
Только юной девушке под силу
Спорить своенравием с тобой.

* * *

Тропка овечья бежит, исчезая.
Как разглядеть тебя, тропка слепая?
В зарослях я бы тебя не нашла.

Все же спасибо,
Тропинка родная!

Люди к вершинам идут от порога.
Но до вершин их доходит немного.
Может, когда-нибудь
Станешь и ты
Самой прямой и широкой дорогой...

ДОЛГ

Тот не поэт, чья песнь
Звучит мертво и немо.
Тот не певец, пред кем
Закрыты двери неба.
В людском потоке тот лишь Человек,
Чей дух высок и чист, кто в правду верит слепо.

С тобой друзья — коль вам
Идти одной тропою,
И помнишь ты тот дом,
Где все тебе родное.
Не говори, что ты исполнить смог свой долг,
Пока сердца людей не зажжены тобою.

* * *

Беда не раз меня сжимала с силой —
Я головы пред нею не склонила.
Мне во спасенье два крыла даны:
И стих и песня.
Я без них бескрыла.

Они меня в невзгодах распрямляли,
Срывали саван горя и печали,
И просветляли,
И вели с собой
Сквозь океаны в жизненные дали.

Они вошли в меня единой частью,
Вошли
И душу растворили настежь.
И стих и песня, поклоняюсь вам,
Вы — моя совесть, честь моя и счастье!

ШАГИ

Один всю жизнь своей судьбе не рад,
Другой во всем судьбе покорен слепо.
А третий проклинает все подряд,
Во всех ошибках упрекая небо.

Но и беде, сжимающей в кулак,
И счастью, окрыленному удачей,—
Всему началом служит первый шаг.
Он добротою должен быть означен.

Он должен нежность приносить с собой.
Да будет ранний след его прекрасен!
Но если первый шаг бедой опасен —
Повремени. Задумайся. Постой.

Есть славный путь и путь, чтоб обесславить.
Есть путь, легендой ставший для людей.
Сумей же так свои шаги направить,
Чтобы дорога сделалась прямей.

Шаг может быть размашистым и ленным,
Он может сбить подножкою с пути.
Но от шагов неверных, к сожаленью,
Так трудно человечеству уйти...

ОЧИ

О, смородинные очи,
Сколько раз
Ваша песня над просторами лилась!
Видно, это захотела так судьба,
Чтоб и я заговорила вдруг о вас.

О, смородинные очи,
Как суметь
Притяженье ваше мне преодолеть?
Притяжение сильнее, чем магнит,
От него не убережься мне и впредь!

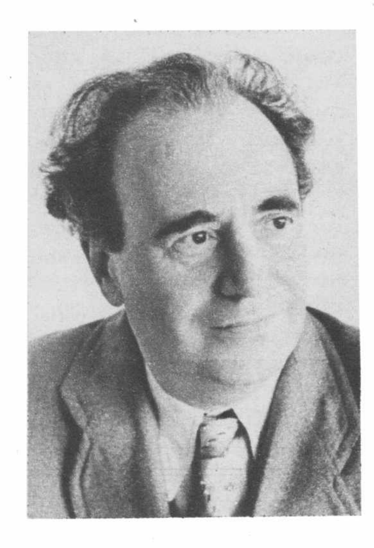
О, смородинные очи,
Вы вольны
Проникать в любые таинства и сны,
Только взгляд один — и сердце зажжено,
Только взгляд один — и души пленены.

О, смородинные очи,
С чем сравню
Вашу песню я, подобную огню?
Ваши омуты бездонны и черны.
В них и слабну я, и гибну, и тону.

Перевела с казахского Т. Кузовлева.

К 70-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Б. А. ГАЛИНА

АЗАРТ МОЛОДОСТИ

Борису Абрамовичу Галину семьдесят лет. Пятьдесят из них отданы ежедневной целеустремленной работе в литературе. Эта работа прочно поставила его в первом ряду мастеров советского художественного очерка.

Очерки, регулярно появляющиеся на страницах газет и журналов, выходящие отдельными книгами, приобрели у нас огромную популярность. За последние десятилетия очерк стал одной из главных ветвей советской литературы. Этому способствовали особые условия нашей общественной жизни.

Октябрьская революция, поднявшая к сознательному творческому труду миллионы людей, пробудила в них жажду познания того, что ежедневно и ежечасно свершается на огромных просторах страны. Люди почувствовали себя не просто обитателями земли, а хозяевами ее. Эту особенность духовного процесса, начавшегося в народе, остро отметил М. Горький и, подчеркнув, что делу познания страны хорошо служит очерк, призвал писателей к созданию произведений, помогающих людям видеть преображение мира и приобщать их к тому новому, что совершается в Стране Советов.

Борис Галин — один из ветеранов советского очерка. Он много лет был специальным корреспондентом «Правды», военным корреспондентом «Красной звезды», членом редколлегии «Литературной газеты». Его очерки печатались на страницах журналов, выходили отдельными изданиями и составляют библиотеку в не один десяток томов. Книга Б. Галина «В одном населенном пункте», посвященная послевоенному восстановлению Донбасса, отмечена Государственной премией СССР. Но лучшими из его работ, на мой взгляд, являются очерки-раздумья, посвященные ленинской теме. В них отразились и жизненный опыт писателя-коммуниста, и зрелость мыслителя, и зоркость исследователя, и взыскательность художника слова. Таковы прежде всего «Встречи рабочих с Лениным», «Азарт юности», «Сим победиши!», «Строитель нового мира». Эти работы с полным основанием могут быть отнесены к лучшим страницам литературной Ленинианы.

Борис Галин немало сил отдал организаторской работе в Союзе писателей, воспитанию молодых литераторов. Многие из нынешних молодых да и уже немолодых очеркистов считают себя учениками Галина. А поучиться у него есть чему. И прежде всего страстной увлеченности делом, целенаправленности и партийности в работе. Через все его творчество, до нынешнего дня, сквозной красной линией проходит горячий, живой интерес к тому, что создается руками и волей строителей новой жизни и что появляется в сознании самих людей.

В душе писателя неугасимо горит азарт молодости. И ныне, читая строки, вышедшие из-под пера Бориса Галина, я представляю его не семидесятилетним, пожилым человеком, а молодым кареглазым коммунистом, в распахнутой кожаной куртке, азартным, горячим, всегда готовым прийти к человеку на помощь, ободрить и увлечь его делом, которому учил Ленин, тем делом, которое по-ленински ведет наша партия. Быть таким в жизни и в литературе — великое счастье!

Виктор ПОЛТОРАЦКИЙ

ТОВАРИЩ ВЕРНЫЙ И ДАВНИЙ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
З. С. КЕДРИНОЙ

При имени Зои Сергеевны Кедриной перед моими глазами часто встает облик собранной и мужественной девушки с доброй улыбкой, которая впервые приехала к нам в Казахстан еще в 1931 году на строительство Турксиба. Оставшись в Алма-Ате на работе в Госбиблиотеке имени А. С. Пушкина, Зоя Кедрина, тогда молодой литератор, вскоре же вошла в литературную среду, участвовала в работе I пленума оргкомиссии Союза писателей Казахстана, установила творческий контакт с видными казахскими писателями: И. Джансугуровым, М. Ауэзовым, Б. Майлиным, Т. Жароковым.

За три года работы в Алма-Ате она прочно связала свою судьбу с Казахстаном. С тех пор прошло сорок лет, и, говоря без преувеличения, нельзя представить развитие казахской литературы, ее исследование и пропаганду без бескорыстной деятельности ее искреннего друга — неутомимой Зои Сергеевны Кедриной.

Огромна заслуга З. С. Кедриной в изучении и правильной оценке творчества великого казахского писателя Мухтара Ауэзова, других самых разнохарактерных представителей многожанровой казахской литературы: С. Сейфуллина, Джамбула, С. Муканова, Б. Майлина, И. Джансугурова, Г. Мусрепова, Г. Мустафина, Т. Жарокова, А. Тажибаева, Т. Ахтанова, А. Нурпеисова, О. Сулейменова и других.

С именем Кедриной как одного из авторов и редактора тесно связано создание «Истории литератур народов Средней Азии и Казахстана» (1960), IV тома «Истории советской многонациональной литературы» (1971). В ее монографических трудах, таких, как «Главное — человек» и «Из живого источника», разрабатываются на богатом материале национальных советских литератур важные проблемы теории социалистического реализма.

Весьма примечательно, что русское литературоведение и критика выдвинули и выдвигают исследователей, которые, оставаясь специалистами родной русской литературы,

в то же время смело и успешно выступают как знатоки творчества братских писателей, оказывая тем самым большую и очень нужную услугу литературам советских народов. Ярким пример тому — Зоя Сергеевна Кедрина. В Москве считают ее русским критиком, в Казахстане — казахским.

Пожелаем же ей еще долго пребывать в прекрасном состоянии здоровья и духа!

Мухамеджан КАРАТАЕВ,
член-корреспондент Академии наук
Казахской ССР

Достаточно выехать за пределы зерновых районов Казахстана, углубиться в зону полупустынь, как становится ясно, с чего начали двадцать лет назад комсомольцы-добровольцы. Сегодня их голоса звучат и вдали от хлебных массивов — на пастбищных просторах Семипалатинской, Актюбинской, Уральской, Кзыл-Ординской и других областей республики. Одно поколение сменилось другим, и подошло время поднимать вторую целину — животноводческую. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев на торжественном заседании в Алма-Ате, посвященном 20-летию освоения целинных земель, сказал: «Недавно у меня состоялся разговор на эту тему с товарищем Кунаевым. О чем шла речь! Казахстан имеет 32 миллиона овец. Я спросил товарища Кунаева: разве Казахстан исчерпал все резервы роста поголовья! Безусловно, нет. В результате мы пришли к общему мнению, что Казахстан может увеличить поголовье овец до 50 миллионов».

Задача эта трудная, почетная. И для ее выполнения придется мобилизовать все резервы.

Тон задают семипалатинцы. В области три с половиной миллиона овец, а с приплодом нынешнего года — более пяти миллионов. Теперь это стартовый рубеж!..

В дальнем районе Семипалатинской области, Чубартауском, где на каждого человека, занятого в совхозном производстве, приходилось чуть ли не по тысяче гектаров, уже в 1971 году выпускники местной средней школы объединились в комсомольско-молодежные овцеводческие бригады и взяли на себя обслуживание многих отар. Так был практически найден ответ на вопрос: кому осваивать вторую целину!

ЦЕЛ

Вячеслав КОСТЫРЯ,
Фото Г. РОЗОВА.

Специальные корреспонденты «Огонька».

Директор «Баканасского» Мурат Садыков временно живет в юрте. Здесь-то и собралось совещание.

Совсем недавно на базе совхоза имени Калинина был создан новый овцесовхоз —«Баканасский». И вот уже строится первый дом.

Девушки тоже стали овцеводами. Вот одна из них — Гета Беляева.

ИНА-2

...Широка, загадочна, сурова степь Семипалатинская. Свернув с шоссе, автомашина с резвостью жеребенка может мчаться в любую сторону час-другой, не рискуя наткнуться на какое-нибудь препятствие. И лишь у глубинного поселка Карауыл поднялось горное плато с выразительным име-

Вечером загораются веселые костры.

Фотография на память...

Виктор Сургаков будто и родился в седле.

Комсомолец чабан Жанат Жолдин.

нем — Чингистау. Впереди него на почтительном расстоянии холм, где якобы располагался некогда беловойлочный шатер хана, украшенный конскими черепами и хвостами. Мрачная поэзия истории...

Позади холма линия горизонта в острых изломах. За Чингистау высится гряда Баршатас, а далее, за степным раздольем, вскидываются в небо Акшатау — «Белые горы». Снег ли дал такое имя или облака? А скорее всего, отары белых тонкорунных овец, движущихся целое лето по склонам джайляу — горных пастбищ. Как бы там ни было, но даже седобородые чабаны, отправляясь по делу в Семипалатинск, предпочитают полет поездке в автомашине.

Чабаны по складу своего характера — отшельники, а как быть ей, молодежи. Ну а как быть ей в чабанской юрте, одиноко приткнувшейся у степного ручья или ущелья? Прощайте, премьеры кинофильмов? Прощайте, концерты, спектакли, танцы? Да и чабанское дело... Для молодых знакомство с ним нередко ограничивается перечнем мясных блюд: шашлык, бешбармак. А быть посмешищем настоящих животноводов кому охота?

Эти и другие, не менее острые вопросы решают каждодневно партийные, комсомольские организации республики, работники снабжения, образования, культуры, много сделавшие для того, чтобы всячески поощрить молодого человека, выпускника средней школы, в государственно важном деле. Известно, что материальные и духовные потребности молодежи резко возросли. А как же иначе?

Главная сила, движущая первопроходцами,— романтика. Но слово «чабан» для иного десятиклассника звучит совсем не так романтично, как слова «летчик», «моряк»... Во избежание заведомых потерь в ход пошли «овцевод» и даже «оператор»! Да, да, не «чабан», а именно «оператор овцеводческой бригады». Чубартаусцы нарекли свои первые штурмовые отряды целинников-животноводов, словно экипажи космических кораблей: «Жас кайрат» («Молодая энергия»), «Тулпар» («Крылатый конь»), «Сункар» («Сокол»), «Ушкын» («Искра»), «Алтын жолдуз» («Золотая звезда»), «Алга» («Вперед»). Возглавили эти бригады асы степи, бригадиры-наставники Герой Социалистического Труда Т. Умирбеков, орденоносцы Ж. Шуленбаев, Р. Дыбыспаев, Г. Уленбаева и другие.

Однако побываем, как говорится, на месте мягкой посадки экипажа «Жас талап» («Молодой энтузиаст»), на берегу степной речушки Бурген.

Чтобы добраться до этой полупустынной глубинки, пришлось лететь на «ИЛ-18», «ТУ-104», « аннушке», ехать на легковушке, а последние километры к выпасам — на коне. Это он, смирный и неутомимый, лишенный на первый взгляд всякой романтики, на рассвете, когда золотисто-розовая степь кажется Первым Днем Земли, гуртует овечьи отары, угадывая малейшее намерение всадника. Поверх седла приторочено сложенное вчетверо обыкновенное байковое одеяло в синих разводах, через луку переброшен поблекший от солнца и дождя матерчатый плащ, сбруя — из грубого брезента... Но как широко распахнуты бархатистые ноздри коня навстречу ветру! Это «джабе», казахская пастбищная лошадь, исключительно выносливая.

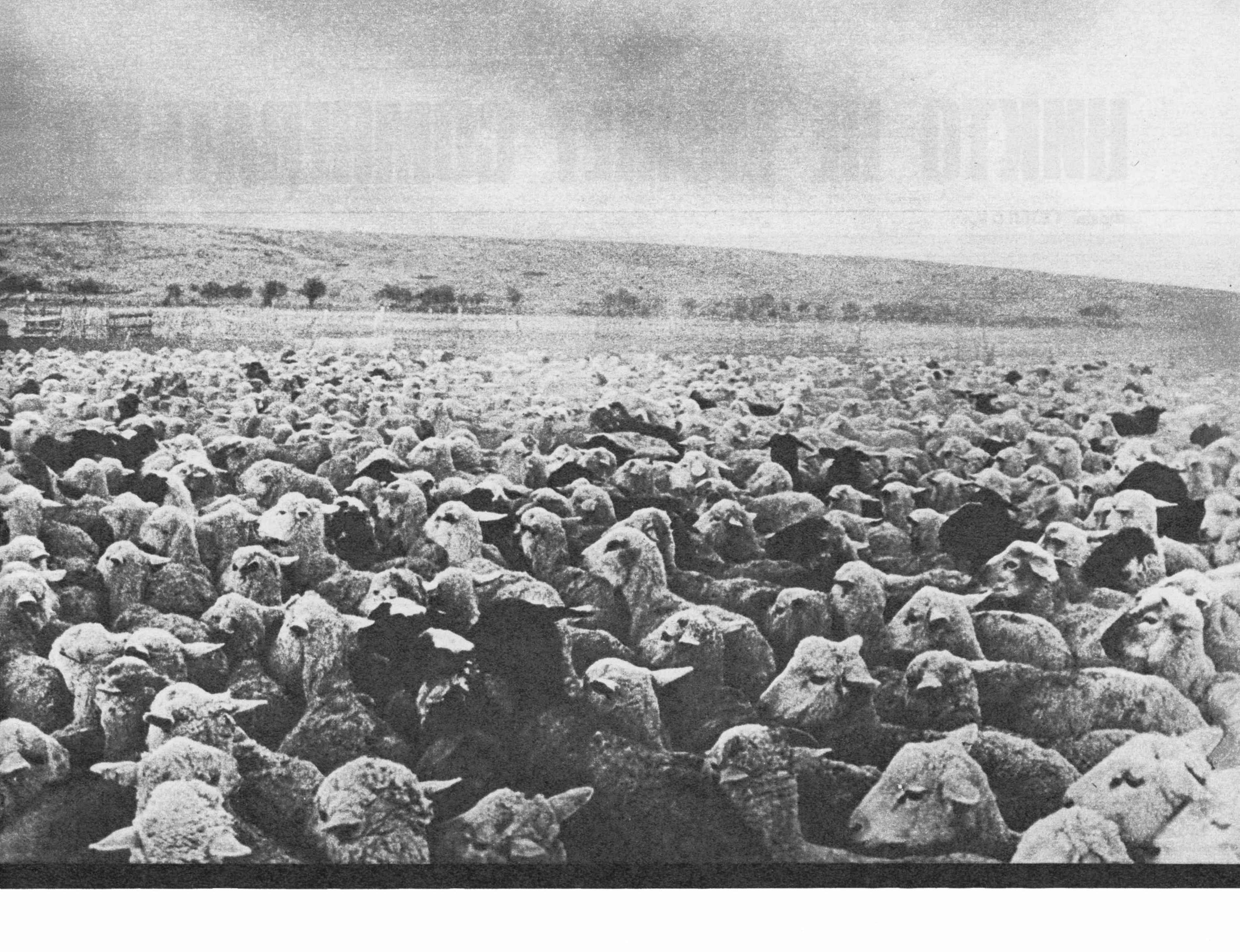
Но даже невозмутимые «джабе» удивленно косятся на своих нынешних наездников... Вместо темной тюбетейки или волчьего малахая на «операторе овцеводческой бригады» ширпотребовская капроновая шляпа. Конечно, это не диковинка. И все же, и все же... Шляпы по-особому сплюснуты и настолько лихо заломлены, что трудно объяснить, как они держатся на голове!

— Мексиканцы, — добродушно посмеивается бригадир Оралхан Ыкласов.— А что? Наши прерии не хуже... И ребята на коне! Чем не ковбои? Скотовод — профессия почетная на всех континентах...

Всем членам бригады выдали рабочую и парадную «операторскую» одежду. Но поскольку до парада еще далеко, ребята так подогнали рабочие куртки и джинсы, так перетянули свои осиные талии офицерскими ремнями, что, несмотря на широченные голенища кирзачей, выглядят по-городскому щеголевато. А главное, они охотнее называют себя славным дедовским именем хозяев этих просторов — чабанами! Слово «оператор» так и не прижилось.

Чуть свет Толеген Ыдырышев легко перемахнул через ограду, держа в левой руке бутылку с креолином. Правой он ловко схватывал за ногу и приподнимал овцу за овцой, проверяя, нет ли порезов после стрижки шерсти. Ага, вот запекшаяся кровь! Сядет муха, и быть мучительной болячке. Тогда не жди хорошего привеса, да и шерсть потеряет качество. Идет в ход бутылка с лекарством. Потерпи, милая. Вот и все. Ласковый шлепок по курдюку, и в руке уже следующая пациентка. И так перебирается вся отара — девятьсот овец.

Этим же заняты поутру в соседних отарах Жумат Нурпеисов, Умитбек Турдыгулов, Талгат Азимбаев — вся первая смена. Три с

половиной тысячи овец ценнейших пород под опекой этих парней. После обеда их сменят на выпасах девушки, бывшие одноклассницы.

И — в путь, за шесть-семь километров от стоянки, на вольные травы! Впереди круторогий, строптивый, но умный, как бес, козел. Фланги обеспечивают «джабе». Ребята научились истинно по-чабански, с каким-то орлиным клекотом в груди выкрикивать команды «Чайть!» («Стой!»), «Кайт!» («Поворачивай!») и явно чувствуют себя многоопытными «степными волками». Действительно, здесь они постигли столько полезнейших премудростей жизни, что прошедшие месяцы пойдут за целые годы.

Ребята души не чают в своем наставнике Оралхане Ыкласове. Бригадиру за тридцать, в своем деле он профессор. После окончания восьмого класса Оралхан стал рабочим животноводческого совхоза имени Калинина, Чубартауского района, помогал отцу, известному у степняков чабану Нурзода.

Многое перенял у отца Оралхан, многое вычитал из книг. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, коммунист. Словом, в глазах ребят Оралхан Ыкласов — Человек.

— Крепко с природой связан наш Оралхан,— говорит Толеген.— Вот окажись он на необитаемом острове, думаете, пропадет? Без спичек может огонь развести, колодец высохнет — росой жажду утолит, съедобные корни знает... Конечно, все это теперь без надобности, но ведь умеет!

Когда вторглись в степь шумные бригады целинников, Оралхан сразу почувствовал облегчение в уходе за отарой. Но что-то стало тревожить его. Например, такая мысль: все ребята в бригаде — заочники техникумов и институтов, а он?.. Восемь классов и все? Однажды случайно услышал сквозь брезент палатки разговор своих «операторов»:

— А зачем ему учиться? Наш Оралхан и так дело знает!

«Ишь ты... Пока признают, — невесело подумал Ыкласов.— Пока... А вот что будет завтра? Ладно, зоотехника, ветеринария — издавна святое дело чабана. И механизация — без нее в наше время ни шагу. А теперь еще и земледелие!.. Сотни лет чабан жил истиной: была бы трава — шашлык сделаем! Теперь одной травой не обойтись. Другая правда пришла в степь: траву сделать надо — тогда и шашлык будет! В газетах кричат крупные буквы: «Корма — как хлеб!..».

Когда стало известно, что Оралхан готовится сдавать экзамен сразу за девятый и десятый классы, чтобы поступить в зооветеринарный институт, кое-кто призадумался. Умитбеку Турдыгулову, студенту автомеханического техникума, поступок бригадира открыл глаза. Отправляясь с отарой на выпасы, Умитбек теперь обязательно прихватывает учебники, тетрадки. Дорожит временем и Талгат Азимбаев, студент зооветеринарного института. Лучшего читального зала, чем безмолвная степь, не найдешь!..

Директор Казахского научно-исследовательского института животноводства, член-корреспондент ВАСХНИЛа Кийлыбай Усенович Медеубеков, говоря о проблемах второй целины, назвал три главных объекта, на которых сосредоточена сегодня научная мысль. Это кормопроизводство, породы и их продуктивность, формы организации производства.

— Причем производства на промышленной основе!— подчеркнул он.— Действительно, откормочные комплексы на три, пять, десять тысяч голов строятся ныне во многих хозяйствах республики. А в совхозе имени Амангельды, Алма-Атинской области, на тридцать тысяч овец одновременно! Такого еще нигде не было.

На глазах меняют свой облик и чабанские зимовки. Вместо мазанок с подслеповатыми оконцами встают благоустроенные городки с коттеджами, баней, столовой, медпунктом, кинотеатром.

— В этом деле впереди опять же чубартаусцы! — заметил К. У. Медеубеков.— Не потому ли, что первый секретарь райкома партии Шаймаганбет Оразбекович Макашев — аспирант нашего института?

На этот вопрос ответил сам Шаймаганбет Оразбекович при нашей встрече.

— Пожалуй, наоборот,— улыбнулся он.— Моя аспирантура не причина, а следствие...

В бригаде «Тогжан» Абайского района побывал первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Динмухамед Ахмедович Кунаев. О чем только не говорили! Хорошо ли устроились, сытно ли кормят, как здоровье и есть ли условия для подготовки к сдаче экзаменов. И, конечно же, о приплоде ягнят, о кормах и поголовье. Прошло какое-то время, и в адрес целинников «Тогжана» пришли посылки с подарками: библиотека, электробритвы, грампластинки для парней, парфюмерия и коробки с шоколадом для девушек. В ответ молодые чабаны написали теплое благодарственное письмо товарищу Д. А. Кунаеву, дали слово получить триста четыре тысячи ягнят. Это будет их первый вклад в будущие пятьдесят миллионов овец Казахстана!

НИКТО НЕ МОЖЕТ СОМНЕВАТЬСЯ

Фрэнк ТЕЙЛОР,
президент Международной ассоциации спортивной прессы

Мы приехали посланцами мира и дружбы, постучались в двери Москвы, и советские люди открыли нам свои сердца и свои дома.

Это общее мнение всех моих 24 коллег — зарубежных журналистов, членов Международной ассоциации спортивной прессы (АИПС), которые недавно совершили поездку в Советский Союз.

Международная бригада спортивных журналистов была приглашена Спорткомитетом СССР. «Приезжайте в Советский Союз,— говорил нам председатель Спорткомитета Сергей Павлов,— и вы сами сможете убедиться в том, что мы имели в виду, приглашая к себе Олимпийские игры 1980 года...»

То, что мы увидели, потрясло нас до глубины души. Я процитирую вам слова двух моих коллег.

Иан Волдридж, получивший приз лучшего спортивного журналиста и писателя Великобритании за 1972 год, сказал: «О том, что я увидел, я мог бы написать книгу. Сейчас же скажу, что впечатления от поездки просто фантастические».

Джордж Хансон из Монреаля, один из лучших и известнейших спортивных журналистов Канады, ответил так: «Это была мечта, ставшая явью».

Наши первые впечатления после приезда в Москву связаны с первоклассным гребным каналом, построенным всего за 10 месяцев (сроки невиданные); с тренировками волейболисток, занимающихся по нескольку часов в день, чтобы достигнуть совершенства; с встречей с первоклассными советскими гимнастами.

Артистичность и грация Людмилы Турищевой и Ольги Корбут превратили их в идолов школьниц Великобритании, которые в многочисленных письмах, присланных мне, спрашивают, как можно достичь такой грациозности движений. В ЦСКА я увидел, как это достигается. В тишине гимнастического зала, вдали от зрителей и внимания прессы гимнастки в присутствии только своих тренеров шаг за шагом отрабатывали упражнения на перекладине или на коне, используя какой-то невообразимый тип снаряда, предохраняющего их от травм при выполнении головокружительных сальто.

После нескольких дней, проведенных в Москве, мы, разбившись на две группы, имели возможность познакомиться со спортивной жизнью таких крупных центров, как Ленинград и Киев, Баку и Тбилиси, Ташкент, Самарканд и Бухара.

В Киеве горисполком и республиканский Спорткомитет оказали нам очень теплый прием. С удовольствием я вновь встретился с Валерием Борзовым. В последний раз я видел его на беговой дорожке в Мюнхене, где он выиграл золотые олимпийские медали в беге на 100 и 200 метров. Тогда он готовился под руководством своего тренера к чемпионату Европы в Риме...

Никогда не изгладится из моей памяти памятник киевским футболистам, которые провели матч против захватчиков, победили их и за победу заплатили своими жизнями. Не смогу я забыть и посещение музея спорта, где увидел портреты советских спортсменов и спортсменок, ушедших со спортивных полей на поля войны, защищать свою Родину. Благодаря им мы можем жить, наслаждаться и достигать большего взаимопонимания посредством Олимпийских игр и других международных спортивных встреч.

В Киеве мы имели возможность насладиться мастерством спортсменов-конников, выступавших на той же трассе, где в прошлом году принцесса Анна соревновалась в чемпионате Европы по конному троеборью. С грустью покидали мы Киев, но впереди нас ожидал Тбилиси с его традиционным грузинским гостеприимством.

Мы увидели строящийся стадион в центре города и прекрасный спортивный комплекс института сельского хозяйства. Грузия дает немало спортсменов в олимпийские команды СССР, и мы рады были познакомиться с ее замечательными атлетами. Я не забуду Тбилисский Дворец шахмат, заполненный людьми. Отцы и матери вместе со своими детьми пришли сюда сыграть партию под сенью цветущих фруктовых деревьев.

Знакомясь с Грузией, мы вдоволь насладились прекрасными винами и фруктами в компании неоднократного чемпиона мира по борьбе, а ныне заместителя председателя Спорткомитета Грузии Вахтанга Балавадзе и других грузинских друзей. Я смотрел на гигантскую статую Матери-Грузии, возвышающуюся над Тбилиси с чашей в одной руке и мечом в другой, и думал, что это лучше любых слов говорит о характере народов Советского Союза.

Я пишу эти строки у себя дома, смотрю на зеленую детскую площадку и кусты роз, склонившихся под ветерком, и понимаю, как трудно собрать воедино все свои впечатления. Как рассказать о Золотой дороге в Самарканд, о древних минаретах Самарканда и Бухары, о прохладе катка во Дворце спорта в Ташкенте. Никогда мы не забудем приятного вечера в совхозе близ Ташкента, где нас принимал директор совхоза Джура Ханазаров. Его лицо было коричневым от солнца, его сильные руки, много потрудившиеся за годы служения своей стране, его смеющиеся глаза лучше всего дополняли рассказ о работе и планах совхоза. Он показал нам хлопковые поля и стадион, где после трудового дня молодые люди играли в футбол. Ведь в этом прелесть спорта — отдых, удовольствие, жизнь.

Мы ездили по стране, проделали несколько тысяч миль, чтобы, вернувшись в Москву, встретиться с нашим гостеприимным хозяином Сергеем Павловым и услышать его рассказ о надеждах Москвы на проведение Олимпийских игр 1980 года.

Мы знаем, что спортивному журналисту, освещающему Олимпийские игры, необходимы три условия для успешной работы: удобная кровать для сна, возможность брать интервью у участников и официальных лиц и надежная связь.

Сергей Павлов сообщил нам о том, что в Москве будет построен Дом прессы с расчетом примерно на шесть тысяч журналистов, что будет сооружена новая международная телефонная станция с тысячью каналов связи и возможностью вести около шести тысяч разговоров в час, а также о том, что будет установлено 500 телексов. Кроме того, будет выделено 1 200 мест для радио- и телекомментаторов, и для обеспечения их работы будет выведен на орбиту специальный спутник связи.

Таковы только несколько цифр, показывающих, какие прекрасные условия будут созданы в Москве для мировой прессы. Конечно же, все будет сделано, чтобы довольными остались и участники олимпиады и зрители — многочисленные туристы.

Сергей Павлов сказал членам АИПС: «Сам факт участия Москвы в соревновании городов за право проведения Олимпийских игр свидетельствует об ее искреннем желании принять у себя олимпийцев. Претворяя в жизнь ленинские принципы мирного сосуществования, Советское государство всегда выступало в поддержку социальных сил и движений, которые помогали делу укрепления взаимопонимания и мира между народами. Не существует никаких политических, экономических, спортивных или технических проблем, которые могли бы помешать проведению Олимпийских игр в Москве».

Мою личную точку зрения выразить просто. Наш мир состоит из многих народов, многих цветов, многих различных политических и религиозных убеждений. Но в спорте мы должны жить одним миром, чтобы наша молодежь могла совершенствоваться в физической культуре, дружить и расширять социальные контакты. Это идеал. Никто не должен сомневаться в том, что Олимпийские игры когда-нибудь состоятся в Африке или Южной Америке, но ныне настала очередь Москвы пригласить к себе Олимпиаду. Никто сейчас не может предсказать исход голосования, ибо те, кто голосует, по своему разумению определяют, за кого голосовать, но в том, что Москва готова, никто не может сомневаться.

Перевод с английского Альберта ЛЕЙКИНА.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГРИГОРИЯ САННИКОВА

В ОКЕАНЕ ЖИЗНИ

Есть зрелость, приходящая к человеку в поздние годы, после мучительных поисков своей сути. А есть зрелость, которая наступает еще в юности, подчас сливаясь с ней.

Шестнадцатилетним юношей, из Яранска — заштатного уездного городка срединной России — в Москву отправляется Григорий Санников, будущий русский советский поэт. Вскоре происходит его сближение с группой революционно настроенных студентов. С марта 1917 года он уже член партии большевиков, один из организаторов студенческого батальона Красной гвардии.

Мы, на подвиг идущие,
Не боялись потерь,
И с боями в грядущее
Открывали мы дверь.

Первая книга Григория Санникова «Лирика» вышла в 1921 году, когда он стал одним из организаторов и наиболее активных деятелей первого объединения пролетарских писателей «Кузница». В годы молодые поэт был близок к Сергею Есенину. Наставником и старшим другом своим Григорий Санников считал Андрея Белого.

Поэтом написаны большие лирические циклы, поэмы, роман в стихах. При всем этом тематическом и интонационном разнообразии можно все же проследить и наметить два больших и наиболее важных направления поисков и работ. Эти два направления выражают две стихии, которые владели воображением поэта: стихия океана и стихия пустыни. Поэт показывал «кипенье шторма», грохотание морских валов, напоминавшее ему громовой говор восставших толп. И вместе с этим он любил изображать пустыню, царство безводья, вековечную мечту туркмена о воде, борьбу людей Советского Востока за коренную перестройку всего уклада жизни. Сквозной образ, связывающий и сводящий воедино обе темы, обе стихии — океан и пустыню,— выражен поэтом в очень точном и емком эпитете: «Шумит песчаный океан».

Образ океана является поэту и в самых последних строках:

Мечты и силы на исходе,
Но, как положено в бою,
На вахте при любой погоде
Впередсмотрящим я стою.

На вахте. Впередсмотрящий. Все это образы, основополагающие для поэта Григория Санникова.

Лев ОЗЕРОВ

С. Чуйков. ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ.

А. Куприн. ТОПОЛЯ.

СЛАДКИЙ ЗАПАХ УСПЕХА

Эрнест **ЛЕМАН**

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

4

Пальмы из папье-маше и холодок кондиционеров заманивали прохожих. «Панаманиан» медленно наполнялся. Я сидел за столиком, вдыхая табачный дым, и, окруженный волнами музыки, следил за Джо Робардом, который сосал отсыревшую сигару и медленно переваривал услышанное. Я видел его темный массивный профиль, повернутый к танцорам, тупой, невыразительный взгляд. Я ждал, когда он ко мне повернется, чтобы прочитать на его физиономии ответ.

Наконец он вынул изо рта сигару и обратил свой взор на меня.

— Одно меня тревожит,— буркнул он.— Ты, так сказать, работаешь теперь на Робарда. Я попадаюсь на твой крючок и должен, в свою очередь, отплатить тебе любезностью. Я не желаю выкладывать по 150 долларов в неделю, Сидней. Мне не нужен пресс-агент: Джо Робард грязной работой не брезгует.

Я нетерпеливо затряс головой.

— Да не мне, Джо,— Хансекеру. Разве так уж плохо оказать любезность Хансекеру? Ведь это все равно, что оказать любезность самому себе.

Он наблюдал за мной сквозь завесу сигарного дыма.

— А это правда, что ты желаешь свести меня с этим мальчишкой Далласом только потому, что Хансекеру понравится, если я проявлю интерес к жениху его сестры?

— Это не просто интерес, Джо. Это больше, чем интерес. Интерес, проявленный в то самое время, когда все остальные поворачиваются к парню спиной из-за пустых сплетен в газете. Тут требуется настоящее мужество, то самое, которое Хансекер способен оценить. Ведь это не просто голос доверия, это голос доверия такого влиятельного человека, как Джо Робард.

Он кивнул, ухмыльнувшись от удовольствия.

— Но кто мне подтвердит, что эти разговоры, которыми мне прожужжали все уши,— он сделал неопределенный жест рукой,— что все это вранье?

— Человек до тех пор остается невиновным, пока его виновность не доказана,— заметил я.— К тому же сегодня вечером дальше разговоров дело не пойдет. Просто посидим и кое-что обсудим. А потом все вместе поговорим о целесообразности ангажирования Далласа клубом. Ты все жалуешься, что я тебя мало рекламирую, и поэтому пустуют столики. Так вот: перед тобой блестящая возможность помочь мне заставить Хансекера воспеть тебя в своей рецензии на многие месяцы вперед. Вот уж это истинное вознаграждение, Джо. И денежки в банке.

— Минус 150 долларов в неделю в течение... скольких месяцев?

Он от меня ускользал.

— Вот что я тебе скажу,— поспешил я за него ухватиться:— Если оно не окупится с лихвой и если ты останешься чем-то недоволен, считай, ты меня не нанимал.

Это его доконало.

— Цена нормальная,— сказал он.— Что прикажешь?

— Пока ничего.— Я встал.— Посиди здесь, а я попытаюсь отыскать парня.

В «Панаманиане» кабинетом мне служил темный чулан, там был телефон, к тому же можно было закрыть дверь, что немного спасало от музыки. Ее приглушенные звуки превращали мою работу в какую-то игру. Сегодня до меня, как и прежде, доносилась музыка, но теперь я знал, что это уже не игра.

Я дал телефонистке номер и прикурил сигарету. Скоро в трубке раздался угрюмый усталый голос Ирвина Спэна:

— Кто это?

— Ирв, детка, послушай меня,— поспешно заговорил я.— Сердись на меня сколько влезет. Мне наплевать. Я ведь знаю, что ты это не со зла. Сколько влезет...

— В чем дело? Я устал.

— Сейчас говорил с Джо Робардом. Хочу сделать для тебя, Ирв, все, что могу. Чтоб доказать тебе, как ты неправ. Мне кажется, Робард явно заинтересовался Далласом. Он понимает, что существует определенная возможность выставить парнишку в «Панаманиане», как он это делал с Синатра. А ты ведь представляешь себе, что это означает? Именно благодаря ему они стали знаменитыми. Я хочу, Ирв, чтоб ты перестал упрямиться, отыскал Стива и как можно скорей прислал его сюда для разговора с Робардом. Я тут здорово попотел и не хочу, чтоб Джо передумал.

— Сидней, я тебе не верю,— едва выдавил он.

— В один прекрасный день на тебя будет мчаться машина. Ты не поверишь, что это машина, и она тебя задавит. Вот куда тебя приведут твое упрямство и подозрительность.

— Я не верю ни одному твоему слову.

— Ты хочешь, чтоб тебе позвонил сам Робард? Может, тогда у тебя в голове появится капля здравого смысла?

— Что?

Он немного оживился:

— Я сказал, покажется ли убедительным вашему высочеству, если вам позвонит сам Робард?

Он ответил не сразу:

— Сидней, я вымотался. Чего только я не пережил на своем веку. Если ты затеваешь очередную...

— Все ясно, детка. Не занимай телефон.

Я быстро повесил трубку и направился к столику, за которым сидел Джо Робард.

— Тебе придется позвонить агенту Далласа,— сказал я.

— Какому еще агенту? Мне ничего от них не нужно.

Я взял его за локоть и тихонько потянул с места.

— Прошу тебя, Джо, позвони вот по этому телефону Ирвину Спэну.— Я назвал номер.— И скажи, чтоб парнишка скорей шел сюда. Ни на какие расспросы не отвечай. Только скажи ему, чтоб направил сюда своего клиента.

Робард понимающе хрюкнул.

— И запомни, Джо: ты не желаешь, чтоб с Далласом был его агент. Разговора о деньгах пока не будет. Ты просто хочешь с ним побеседовать. Пусть парень придет один.

— С удовольствием,— ухмыльнулся Робард.— Доживу остаток жизни без агентов.

Он пошел в свой кабинет, дымя сигарой, этот неуклюжий медведь, снисходящий до всяческих мелочей, лишь бы только его клуб терпел меньше убытков, чем конкурирующие заведения.

Я остался сидеть за столиком, слушать темноволосого парня, который наполнял своим тенором микрофон. Через несколько минут появился Джо Робард и сел за столик.

— Твой друг, этот агент,— психованный человек. Ему бы надо подлечить мозги.

— Да?

Робард поднял свои тяжелые веки.

— К десяти часам твой голосистый Ромео будет здесь, и Джо Робард его заколдует.

Я стиснул его руку.

— Спасибо, Джо.

— За что ты меня благодаришь?— Он пронзил меня взглядом.— Я делаю это не для тебя, а для себя. А?

— Молодец!— вскочив с места, воскликнул я.— Теперь мне пора вернуться к работе. Позволь поговорить с ним, как только он появится. Потом я передам его тебе. Идет?

— Ты хозяин, Сидней, а я сегодня всего лишь пресс-агент. Вот бы только положить себе в карман и эти сто пятьдесят.— В его горле заклокотал смех.— Как мне не хватает твоего таланта! Сколько раз говорил себе: «Возьмем Сиднея — вот талантливый малый! Чего бы только он не сделал, если бы весь свой талант обратил на что-то стоящее!»

Не часто случается, чтобы Джо Робард смеялся два раза подряд. Да, этот вечер был памятен во всех отношениях.

Я отправился в вестибюль разыскать Селену Грин. Деньги, которые вы платили за ее сигареты и улыбки, казались бешеными лишь до тех пор, пока она не приближалась к вам и не заговаривала с вами всем своим телом. Потом мне предстояло связаться с Гарри Киллоу...

Стив Даллас задержался на минуту под аркой, огляделся по сторонам. Увидев за столиком меня, он спустился по ступенькам. Загар не мог прикрыть его бледности.

Я протянул руку.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 35—37.

— Рад тебя видеть, малыш.

Он подумал и решил не брать моей руки.

— Присаживайся. Джо Робард сейчас освободится.

Он взглянул на свои часы и застенчиво присел на краешек стула.

— Сейчас придет,— успокоил я.

Я наблюдал за ним, и мне бросилась в глаза его мальчишеская, обманчивая беспомощность, которая так притягивала женщин. А еще их очаровывал этот густой и бархатистый голос.

Появился официант.

— Еще один коктейль «По старинке»,— велел я.— А ты, малыш, что будешь пить?

— Ничего,— ледяным тоном отрезал он, и, чтоб не смотреть на меня, стал разглядывать зал. Отношения оставались натянутыми.

— Сьюзен сообщила мне хорошие вести,— начал я.

Он удивленно глянул на меня.

— О завтрашнем дне. Мои поздравления.

Он не знал, что ответить. Я пришел ему на выручку:

— Хочу, чтоб ты знал, малыш, как я счастлив. Если я могу хоть чем-то быть полезен...

Он в замешательстве разглядывал меня. Лед он начал таять.

— Послушайте, Уоллес, я не знаю, что вы...

— Понимаю. Между нами возникло много всяческих недоразумений. А кто не ошибается? Ирв ошибается. Хансекер ошибается. Кто знает, может, и я ошибаюсь?

— Я не знаю, что вам сказать.

— Но ведь все стоящее в конце концов пробивает себе дорогу,— не унимался я.— «Панаманиан» может оказаться для тебя, Стив, началом больших свершений.

Он провел рукой по волосам:

— Господи, как бы это было здорово.

— Если ты не возражаешь, считай это моим свадебным подарком.

На его лице появилась застенчивая улыбка.

— Я начинаю чувствовать себя большой дрянью, Уоллес.

— Этот подарок не только одному тебе. И Сьюзен тоже.

Он рассмеялся:

— Благодарю вас от имени нас обоих.

— Не стоит.

— Понимаете...— Он с трудом подбирал слова.— Быть может, я сказал что-нибудь резкое...

— Дай мне сигарету и закройся.

Я улыбнулся.

Он достал из кармана пачку, и мы оба закурили.

— Вы, наверно, планируете на несколько дней смотаться куда-нибудь,— выпустив в него струю дыма, сказал я.— Так сказать, медовый месяц по-бродвейски?

— Честно говоря, именно об этом я и подумал в первую очередь, когда Ирв сообщил мне о возможном контракте в «Панаманиане».— Он взглянул на меня, и я увидел в его голубых глазах тревогу. Тревогу влюбленного юноши.— Если Робард захочет, чтоб я начал прямо сейчас, я просто не знаю, что ему ответить.

— Ну, на этот счет можешь не волноваться,— успокоил его я.— Джо ворочает мозгами медленно. А когда они повернутся, он захочет, чтоб я с недельку-другую потрубил в рог, оповещая всех об этом событии.

— Тогда чудесно!— воскликнул Даллас.— Я был бы настоящим подлецом, если б не сумел хоть ненадолго увезти Сьюзен отсюда. Мне кажется, что мы никогда не были с ней наедине. Она замечательная девушка, верно?

У него сияли глаза.

— Лучше не сыскать,— глядя куда-то в сторону, сказал я.— Подожди-ка здесь. Пойду приведу босса.

Я оставил его за столиком, а сам через арку прошел в вестибюль.

— Оставь только «Лорд Тарлетонс»,— сказал я Селене Грин.— Остальные куда-нибудь убери.

Селена передернула плечами. На ней было совсем мало одежды, а в клубе слишком хорошо работали кондиционеры.

— Мистер Уоллес, я... я боюсь.

— Что-то я тебя не расслышал. Ну-ка поторопись.

Я просунул голову в кабинет Джо Робарда и спросил:

— Пяти минут тебе хватит?

— Хозяин ты, Сидней.

— Тогда даю тебе пять минут.

Я не мог не задержаться у стойки. Быстро проглотив двойное виски, дрожащей рукой расписался в графе кредита.

Стив Даллас смотрел представление. Казалось, он витает где-то в своих мечтах.

— Ну, как?— спросил я его.— Как ты думаешь, тебе понравится работать в этом зале?

— Уже принюхиваюсь к воздуху.

— Ты называешь это воздухом? Да тут настоящая атмосфера.— Я закашлялся, будто от удушья.— Но здесь уж я бессилен.

Я потянулся за пачкой и, вытаскивая сигарету, наблюдал за Селеной, которая шла в нашу сторону, пробираясь между столиками. У меня дрожали руки, и вся пачка угодила прямо в коктейль «По старинке».

— Черт побери!

Я выудил разбухшую пачку.

— Ничего страшного,— смеялся Стив.

— Эй, душечка,— подозвал я Селену.— У тебя не найдется «Лорда Тарлетонса»?

— Для вас, мистер Уоллес, все что угодно.

Я взял пачку из ее холодной, как лед, руки.

— Ммм, от тебя, душечка, так хорошо пахнет.— Я дал ей доллар.— Купи на сдачу тех же самых духов.

— О, вы...

Она судорожно улыбнулась.

Я надорвал левый уголок пачки.

— Робард знает. Он подойдет через пару минут.

Вытащив сигарету, я швырнул пачку Стиву. Он отложил ее в сторону.

— Отлично.— Даллас глянул на свои часы.— Я, кажется, сперва позвоню.

— Ага, догадываюсь, кому,— улыбнулся я.

— Да.— Он с улыбкой встал.— Она ждет моего звонка. Недаром же говорят, что невесты нетерпеливы.

Я проводил его к телефонной кабине.

— Она знает?

— Что?

— Вот об этом. О «Панаманиане».

Он улыбнулся. В глазах блеснули искорки.

— Я говорю Сьюзи все. Она требует.

— И что она сказала по этому поводу?— не глядя на него, спросил я.

Он ответил не сразу. Может, ему и не хотелось отвечать на мой вопрос.

— Так что же она сказала?

— Ну, вы ведь знаете, как устроены женщины?— Стив пожал плечами.— Говорит, что поверит только тогда, когда это произойдет.

Он вошел в кабину.

— Поторопись, малыш. Я подожду тебя здесь.

Сквозь стеклянную дверь я видел его нетерпеливое лицо, одухотворенное мечтами о будущем. Время от времени до меня долетал его голос. Тот самый голос, благодаря которому в один прекрасный момент он мог стать звездой первой величины, не соверши этой роковой ошибки и не встань на дороге у Харви Хансекера.

Из кабины он вышел с глупой улыбкой, и я повел его в кабинет Робарда.

— Джо, это Стив Даллас. Позаботься о нем хорошенько.

— Это моя обязанность,— буркнул Робард.

— Ну, пока, малыш.

Я протянул руку, и Даллас ее пожал.

— Кажется, все вышло как нельзя лучше.

— А мне кажется, я должен вас отблагодарить.

— Пустяки.

Я ткнул его кулаком в плечо и стремительно вышел.

Скорей бы позабыть эту картину: стройный светловолосый юноша с певучим голосом и большими, широко распахнутыми глазами стоит посреди кабинета и благодарит меня за...

У стойки я постарался, чтоб эта картина скрылась за густой завесой тумана. При выходе я заглянул на коммутатор.

— Если позвонит мистер Хансекер, скажите, что я еще могу сюда вернуться,— давал я указания телефонистке.— Для всех остальных меня не будет всю ночь.

— Разумеется.

Селену Грин я нашел в вестибюле. Она дрожала. Я похлопал ее по оголенной руке.

— Ты восхитительна.

— Я еще ни разу не попадала в беду, мистер Уоллес.— У нее стучали зубы.— В этом ведь нет ничего дурного, правда? Мне нужна эта работа.

— И пятьдесят долларов тебе тоже кстати, не так ли?

— Да, но...

— Тогда перестань переживать: я ведь сказал тебе, что это всего лишь обычная шутка. И нечего переживать. А теперь возвращайся назад и обо всем забудь.

Я вышел через вертящуюся дверь и задохнулся от порыва влажного душного ветра. Гарри Киллоу уже был на месте, беседовал у обочины со швейцаром. В такую ночь его двухсотпятидесятифунтовое тело казалось тяжкой ношей, и с бедняги ручьями катил пот. Он подошел ко мне.

— Привет, Гарри,— сказал я.

— Привет, Сидней!

— Жарко!

— И не говори.

Я увидел двух мужчин на другой стороне, которые читали газеты при свете уличных фонарей.

— Как поживает супруга?— поинтересовался я.

— Превосходно.

— А детки?

— Тоже превосходно.

— Отлично.

— Как Хансекер?— спросил он.

— Так себе.

— Передай ему от меня привет.

— Разумеется.

— Куда собрался?— поинтересовался он.

— В кино, где нет кондиционера. В клубе слишком холодно.

— А здесь слишком жарко.

— Долго ждать не придется,— заверил я.

— Сколько?

— Ну, я бы сказал, не больше двадцати минут.

— Это хорошо. Убийственная жара.

— Постоял бы за углом.

— Думаешь, там прохладней?— Он вытер лоб своей ручищей.

— Нет, конечно, но в газетах это может выглядеть нехорошо. Уж больно близко, прямо перед самым входом в клуб.

— Ясно.

Он пожал своими могучими плечами и пошел прочь. Те двое напротив оторвались от газет и двинулись по той стороне вслед за ним.

— Пока, Гарри.

— Привет, Харви,— напомнил он.

— Разумеется.

— И спасибо за сведения.

— Не за что.

— Быть может, когда-нибудь и я смогу тебе отплатить.

— Кто знает.

Я быстро зашагал прочь, как человек, желающий избавиться от своей тени. На Бродвее я зашел в кинотеатр «Критерион» и сел в партер. Мне хотелось быть внизу. Подальше от сигаретного дыма.

Я просидел в зале около двух часов, стараясь думать только о том, что делается на экране. Это было нелегко. В фильме рассказывалось о юноше и девушке, которые друг друга любили. И когда экран, запечатлевший их финальные объятия, стал гаснуть, я поспешил к проходу, наступая на ноги своим соседям.

Толпа на улице уже поредела, и глаза мне ослепили яркие рекламы театров, все еще зазывающих зрителей. У театрального подъезда мальчишка торговал утренними газетами. Ни «Ньюз», ни «Миррор» меня не интересовали. Я купил «Глоб» и пробежал рецензию Хансекера, будто не видел ее в гранках. Потом отшвырнул газету в сторону.

Бродвей — одна из тех освещенных улиц, где можно спокойно читать среди ночи свежие выпуски утренних газет. На каждом углу, как напоминание, стоит бак для мусора. Я шел по городу, обращая внимание на мусорные баки на каждом углу. В них я видел газеты с рецензиями на бродвейские постановки, а с ними и те самые жизни, которые зависели от этих рецензий. Я шел и видел баки с мусором, наполненные людьми. «А я наполнил таких баков больше, чем остальные агенты»,— пронеслось в мозгу. Только теперь это не утешало.

Я заглянул к Бейбу Сканлону и сел у стойки. Пил, не чувствуя вкуса, слушал, о чем го-

ворят вокруг, не пытаясь вникнуть в смысл. Было уже около часа ночи, однако таких, как я, здесь заседало много. Тех самых забулдыг, которые ни за что не пойдут домой, пока еще не все закрыто. Дом — это место, где замолкает музыка, опускается занавес, вспыхивают огни, и ты становишься самим собой.

Я залпом проглотил виски. У другого конца стойки мужчина в полосатом костюме громко разговаривал с барменом, повторяя одно и то же:

— ...и вот я говорю моей секретарше Эмили. Это ее так зовут — Эмили. Прелестная девочка, эта Эмили, и никудышняя секретарша. Вот я ей и говорю: «Будь спокойна, уж я-то знаю, кого они имеют в виду». И когда я ей это сказал, она прослезилась. «Я этому не верю,— говорит она.— Не верю этому». Вот что она сказала. «Подожди и все увидишь своими глазами». Я никогда не ошибаюсь. Я каждый день читаю рецензии. Знаю их, как книгу. Вот я ей и говорю: «Подожди, увидишь все своими глазами». Так оно и вышло. Как тебе это нравится, Фрэнки? Все в тютельку. Взяли прямо за руку... Дай-ка мне чистого с тонким кружочком лимона...

— Миссис, она так удивится,— заметил бармен.— Она все слушала его по радио и расхваливала. А вот лично я этих эстрадников не люблю. Мне давай бейсбол или же сводку погоды. Больше мне ничего не надо. Не очень-то я радио слушаю.

— У «Маунтид палас», вот где это случилось.— Мужчина погрозил пальцем.— Гарри Киллоу никогда не ошибается.

Бармен благоговейно покачал головой.

— Помните, что он сделал с Тони Фэем в ту ночь на Третьей авеню, когда Фэй пытался пырнуть его ножом?

— О-о-о!

Мужчина в полосатом пиджаке скорчил гримасу.

Я осушил свой стакан и бросил на стойку деньги.

— Он когда-нибудь закроется?— обратился я к Фрэнку.

— О ком это вы?

— О нем. Об этом болтуне.— Я показал на него пальцем.

— О, он рассказывал мне об...

— Слышал, о чем он тебе рассказывал.

— Об этом певце, Стиве Далласе.

— Я сказал, что слышал.

— Гарри Киллоу со своими ребятами сцапал его часа два тому назад. Все говорят...

— И ты туда же.

— У «Маунтид палас».

У него чесался от нетерпения язык.

Я соскользнул с табурета и направился в зал. Меня мутило. За столиком в углу увидел Херби Темпла со всей шайкой. Он заметил меня и просиял.

— Эй, Кросби! Бинг Кросби! Иди сюда!

Должно быть, он уже прочитал рецензию.

Я осторожно приблизился к столику.

— Магазин уже закрыт,— сказал я.— Завтра.

— Начну без лишних слов. Просто я хотел отвесить смиренный поклон и съесть каждое слово, которое сегодня сказал. Как тебе это удалось, дорогуша?

— Я наполняю людьми мусорные баки,— мрачно изрек я.

Он подмигнул, стараясь все перевести в шутку.

Люди за столиком равнодушно посмотрели на меня и занялись своим разговором.

— Послушай-ка,— начал Херби Темпл,— может, ты тут кое-что приукрасишь и подсунешь Хансекеру?

Он затянул то же самое, что я три месяца назад предлагал Отису Элвеллу, и я перестал его слушать. Я слушал стервятников за столиком, которые клевали новую падаль. Говорили все разом, и по-настоящему слушал лишь я один.

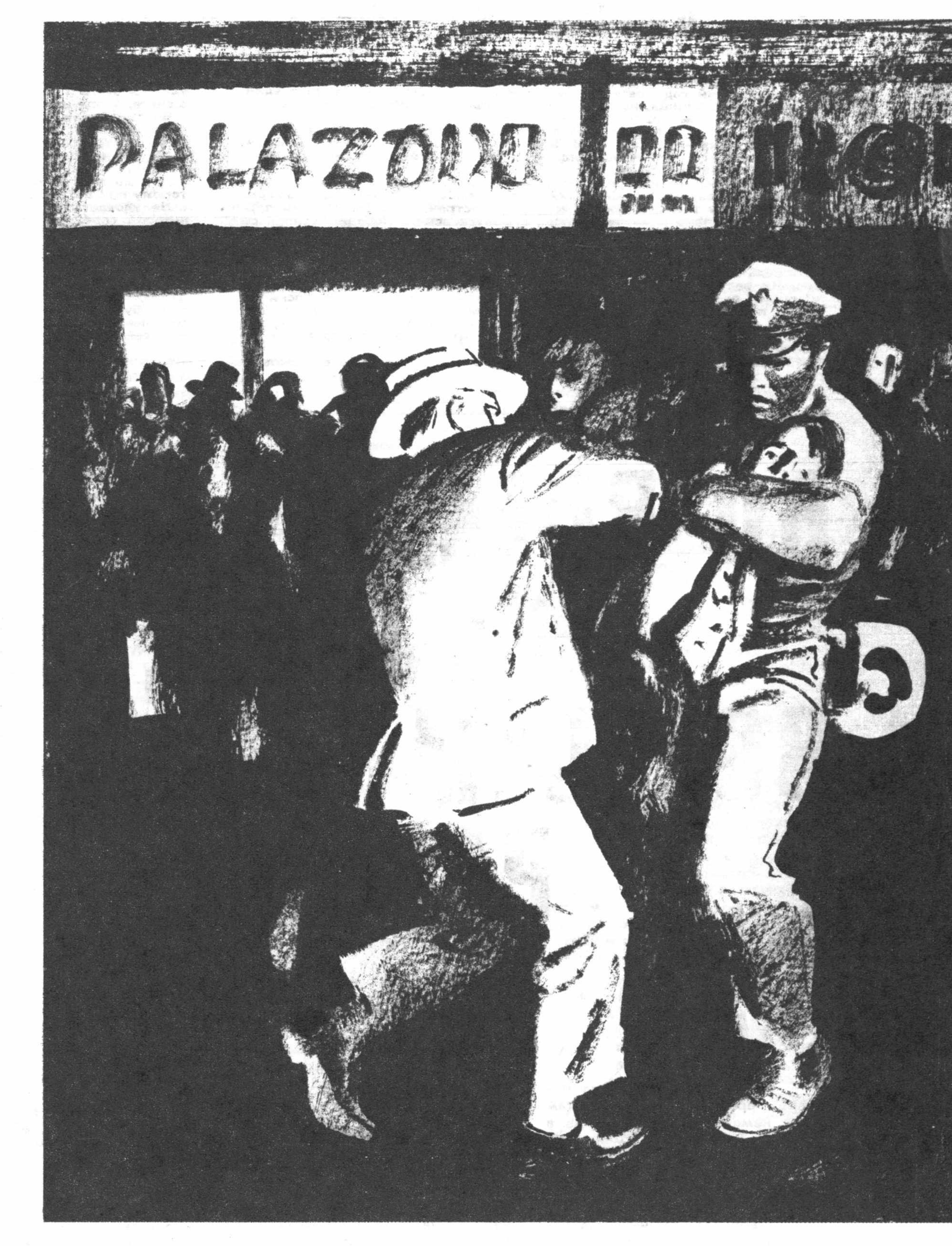
— ...и они были даже не его, не все его, по крайней мере. Марти видел на тротуаре челюсть...

— Господи Иисусе, три бандита. А они имели право?..

— А кто просил его затевать драку?

— Послушай, ты должен радоваться, что полиция в этом городе...

— На той неделе меня трижды оштрафовали. Лично я был бы рад, если бы этот парень их уложил.

— Прямо не знаю. Честно говоря, никогда не ожидал, что он из этих.

— Что? Даллас напал на Гарри Киллоу?

— Нет, он курил марихуану. Но, по-моему, тут точно не установишь...

— А почему тогда он так хотел ударить?

— Может, спешил на позднее свидание? Ха-ха!

— Не будь таким...

— Больше всего меня поражает...

— Два месяца, больше ему не дадут.

— Больше всего меня поражает...

— Когда снимут швы, он весь будет как вышитый.

— Да послушайте же!

— Могу поклясться, и масло бы растаяло...

— Больше всего меня поражает, что у него хватило наглости кричать: «Это подлог!»

— А ты-то можешь поручиться, что нет?

— Гарантирую два года.

— Говорю вам, там как раз оказался Марти Флинн. Он все видел. Нашли эту штуку прямо у парня в кармане.

— А еще говорят, не верь тому, что пишут в газетах.

— Половина пачки — обычные, а другая — с марихуаной. Ну и ну!

— А ты когда-нибудь пробовал?

— Отстань!

— Ну, а ты, Уоллес, что об этом думаешь?

— В чем дело?

Я повернулся к Темплу, который тянул меня за рукав.

— Считаешь, это шутка? Думаешь, он поймет?

Я глядел на него невидящими глазами:

— Непременно поймет.

— Я еще кое-что знаю. Слушайте...

Я отошел.

— Он это проглотит.

— Уоллес...

— Еще двойное,— велел я бармену.— Живей!

Окончание следует.

Перевела с английского Наталья КАЛИНИНА.

ШАХМАТЫ

Подходит к концу очередной цикл соревнований на первенство мира по шахматам. Решающий матч должен состояться в будущем году, а весь нынешний год претенденты сражались, чтобы выявить того единственного счастливца, который получит право официально бросить перчатку чемпиону мира.

Напомним, что в начале года претендентов было восемь, в том числе пять советских — А. Карпов, В. Корчной, Л. Полугаевский, Т. Петросян, Б. Спасский — и три иностранца — Р. Бирн (США), Э. Мекинг (Бразилия), Л. Портиш (Венгрия).

Состоявшиеся в январе—феврале четвертьфинальные матчи дали следующие результаты. Спасский быстро победил Бирна, для выигрыша матча ему понадобилось всего шесть встреч. Счет 3:0. Восемь партий было сыграно в матче Карпова с Полугаевским. Победил Карпов со счетом 3:0. Намного упорнее проходили поединки Корчного с Мекингом и Петросяна с Портишем. Оба эти матча длились 13 партий. В первом счет 3:1 при девяти ничьих, во втором — 3:2 при восьми.

Апрель и май были посвящены полуфинальным встречам претендентов. Их результаты оказались сенсационными. Неожиданно быстро закончился поединок Корчного с Петросяном: при счете 1 : 3 Петросян заболел и отказался от продолжения борьбы. В матче Спасского с Карповым первую победу одержал экс-чемпион мира, но молодой гроссмейстер стойко перенес удар, смог изменить характер борьбы и закончил матч со счетом 4 : 1.

15 сентября в Москве начинается финальный матч претендентов — Карпова и Корчного. Его победителем будет признан тот, кто первым выиграет пять партий. Если после 24 встреч ни одному партнеру не удастся этого добиться, победа будет присуждена участнику, ведущему в счете. А при ничейном счете победителя выявит жребий.

Но сможет ли Корчной или Карпов встретиться с Фишером? Ответить на этот вопрос сейчас очень трудно. Дело в том, что в июне этого года на конгрессе ФИДЕ в Ницце были окончательно утверждены условия этого матча. Конгресс пошел навстречу новым предложениям чемпиона мира и увеличил число побед, необходимых для выигрыша матча, с шести до десяти. Однако конгресс отверг предложение Фишера, по которому при счете 9 : 9 он сохраняет свое звание.

Не удовлетворенный этим решением, Фишер прислал телеграмму, в которой сообщал, что складывает с себя звание чемпиона мира, явно намекая на то, что он намерен отказаться от сотрудничества с ФИДЕ и вернуться к старым временам, когда чемпион мира мог диктовать свои условия.

На конгрессе прошли еще одни дебаты, и значительным числом голосов было решено сохранить решение конгресса в силе. ФИДЕ предупредила Фишера о том, что, если он откажется от игры, чемпионом мира будет провозглашен победитель матча Корчной — Карпов. На размышление Роберту Фишеру даны три месяца. Срок для ответа истекает в сентябре.

Гроссмейстер Ю. АВЕРБАХ,
председатель Шахматной федерации СССР

ВО ВСЕМ РАЗНЫЕ, ВО ВСЕМ РАВНЫЕ

Вик. ВАСИЛЬЕВ

Виктор Корчной и Анатолий Карпов.

Фото В. Кутырева

История матчей на мировое первенство по шахматам знает немало примеров, когда в борьбу вступали гроссмейстеры, придерживающиеся во многом разных взглядов на шахматную борьбу. По-видимому, в этом есть какая-то закономерность, ибо чем талантливее тот или иной шахматист, чем значительнее он как творческая личность, тем ярче, глубже выражает в шахматной борьбе свою индивидуальность.

Первый чемпион мира Вильгельм Стейниц твердо верил в правоту сформулированных им же позиционных принципов шахматной игры. Победивший его в 1894 году Эммануил Ласкер не раз допускал, с точки зрения Стейница, святотатство, сознательно ухудшая позицию ради получения выгод, главным образом психологического свойства. В наше время в матче на первенство мира встречались выдающийся стратег шахматного искусства Михаил Ботвинник и выдающийся тактик Михаил Таль. Но, быть может, никогда еще не было поединка, в котором противостояли бы такие несхожие шахматные характеры, как Виктор Корчной и Анатолий Карпов.

Корчному сорок два года. Сорок лет — это в шахматах обычно черта, за которой гроссмейстер, сохраняя огромную силу, уже реально не претендует на шахматную корону.

Карпову двадцать три. В этом возрасте обычно происходит еще накопление опыта, знаний — словом, творческого потенциала.

По этому поводу уже острили: одному, дескать, поздно думать о чемпионском титуле, другому — еще рано. Но, во-первых, к Корчному и Карпову привычные мерки неприменимы, а во-вторых, был ведь и прецедент — с Талем и Ботвинником (первый стал чемпионом в двадцать четыре года, второй вернулся на шахматный трон в пятьдесят!).

Будучи старше почти вдвое, умудренный опытом, Корчной должен, казалось бы, проявлять осторожность, осмотрительность, благоразумие. Молодому же Карпову самая пора дружить с риском. Ан нет! Все у них наоборот, все не так, как у людей.

В отличие от шахматистов так называемого классического стиля Корчной — яркий представитель немногочисленного цеха «криворужейников». Вся его игра построена так, чтобы заставить противника вести борьбу в непривычных условиях. Стрелять из кривого ружья неудобно да и опасно, но Корчной стреляет! Он применяет рискованные дебютные системы; он в нарушение позиционных принципов может взять пожертвованную пешку, обрекая себя потом на труднейшую защиту; в отличие от многих шахматистов, он любит играть черными, и контратака ему милее, чем атака. Мало того, он даже не боится уступить то, что шахматисту дороже всего,— инициативу.

Но Корчной недаром готов оказаться после дебюта в трудном положении, в неблагодарной роли защищающегося. Поддавшись искушению, противник хоть и получает определенные выгоды, но попадает в сложную позицию, в которой надо принимать решения, исходя не из общих, а из конкретных соображений, в которой все решают не эрудиция, а талант, воля, счетные способности, хладнокровие, мужество, решительность.

Далеко не все, даже самые смелые, выдерживают такую игру. Михаил Таль в самые лучшие свои времена, когда его панически боялись многие, во встречах с Корчным неизменно терпел бедствие. Появился даже термин, объясняющий это, — «корчнобоязнь». Но дело было не в том, что Таль боялся Корчного, а в том, что Корчной не боялся Таля!

Он с его пристрастием и всегдашней готовностью к риску не боится никого и ничего, в том числе и... тропической жары. В 1962 году на острове Кюрасао проходил турнир претендентов. Восьми гроссмейстерам предстояло сыграть друг с другом по четыре партии. Когда термометр показывал 28—29 градусов, участники радовались: сегодня прохладный день.

В такой обстановке важно было правильно распределить силы, ибо, как писал один обозреватель, победит тот, кто сумеет в последний день без посторонней помощи добраться до столика. Корчной с его девизом «Все или ничего!» игнорировал доводы благоразумия. С места в карьер он развил стремительный темп, стараясь почти в каждой партии завязать бескомпромиссную борьбу. После первого круга Корчной был впереди на очко, после тридцатого тура отставал от лидера Гелле-

ра на пол-очка, а потом, обессилев, проиграл четыре партии подряд...

Эта неистовость, одержимость, спортивная и творческая непримиримость привлекают к Корчному симпатии любителей шахмат во всем мире. Именно Корчной установил своеобразный рекорд, выиграв в международном турнире в Венгрии все партии, кроме одной, закончившейся вничью. И, представьте, был недоволен своей игрой.

Десять лет назад в Москве проходил так называемый турнир семи, который должен был выявить трех участников межзонального турнира. Когда Корчной играл в последнем туре партию с Бронштейном, было уже известно, что его противник попал в тройку, он же сам потерял эту возможность. Несмотря на это, он продолжал упорно искать пути к выигрышу, в сложной позиции пожертвовал фигуру, отложил партию и при доигрывании на следующий день добился победы!..

Да, у Корчного крутой нрав. И этот нрав проявляется иногда в довольно неожиданных формах. В пятнадцатом туре последнего чемпионата страны с Корчным произошел, можно сказать, немыслимый, прямо-таки фантастический для шахматных соревнований случай. В самом конце тура Корчной надолго задумался. Время шло, стрелка уже коснулась флажка его шахматных часов, а нахмуренный гроссмейстер, бросив молниеносный взгляд на циферблат, сидел все в той же позе, опершись подбородком на ладонь и чуть раскачиваясь из стороны в сторону.

И тут, не выдержав этой пытки, болельщики тревожно загудели. Судьи попробовали было успокоить зал жестами, но все было тщетно. И вдруг Корчной, на секунду повернувшись к залу, рявкнул: «Кончайте галдеть!»

Мгновенно наступила мертвая тишина. И не только потому, что зрители были ошеломлены этой неожиданной вспышкой. Они знали: кто-кто, а именно Корчной, который никогда не уклоняется от решительного сражения, который ни на один день не дает себе передышки, именно он имеет моральное право на такое бурное выражение эмоций.

Два года назад Корчной, испытывавший тогда творческую депрессию, обронил фразу, которая озадачила и огорчила его друзей. Когда его спросили, не хочет ли он сделать попытку сразиться с новым чемпионом мира, Корчной, махнув рукой, ответил: «Что вы ко мне пристаете? Стар я, чтобы играть с Фишером!..» Знать, укатали сивку крутые горки, подумал я тогда. Но вот прошло трудное время, и мы с радостью видим прежнего Корчного. Прежнего, но и в чем-то нового, будто помолодевшего. И тому есть вполне реальное объяснение. Корчной бросил курить, стал делать зарядку, плавать в бассейне. Он перешел на рациональное питание, начал пунктуально выполнять все советы врачей.

Он и прежде отличался трудолюбием, которому завидовали многие гроссмейстеры, а теперь стал работать еще больше. И — иначе. Он и сам стал несколько иным. Вот почему Корчной смог сыграть полуфинальный матч с Петросяном по-другому, чем четвертьфинальный с бразильцем Энрике Мекингом, по-другому, чем он играл с тем же Петросяном три года назад.

«Такого Корчного, как в этом матче, говорю абсолютно искренне, я еще не видел (а уж я-то его неплохо изучил). Неистовый, как всегда, и в то же время разумный и расчетливый, как никогда». Эти слова принадлежат Талю, а он действительно «специалист» по Корчному!

Расчетливый... Так о нем никогда прежде не говорили. Это благоприобретенное качество сделало игру Корчного более универсальной, гибкой. Прежний Корчной всегда любил в дебюте брать пешки, а нынешний Корчной сам предложил жертву пешки Петросяну. И тот, озадаченный этим, взял пешку и проиграл.

То, что Корчной в зрелом для шахматиста возрасте нашел в себе силы и умение переосмыслить себя, в чем-то пересмотреть свои творческие взгляды, сделать свой стиль более разносторонним, лишний раз подчеркивает силу и своеобразие этой личности. Нет, не стар Корчной, чтобы играть с кем угодно!..

Анатолий Карпов не просто не любит риск, он его отвергает по чисто принципиальным соображениям. «Хотел бы я видеть того, кто пойдет на риск, зная, что можно выиграть и без риска» — в этих словах весь Карпов. Он не только так думает, он и доказывает эту доктрину, причем самым убедительным способом — выигрывает без риска. Выигрывает так с виду просто, что соперник, подписав капитуляцию, часто просит объяснить: а где же он, собственно говоря, ошибся?

Есть мастера, которые откровенно признаются, что не понимают его игру. А ведь Карпов в отличие от Корчного глубоко чтит позиционные законы шахмат. Он всегда ходит «по правилам», всегда избирает объективно сильнейшее продолжение; из всех вариантов его устраивает только один — оптимальный.

Игра Карпова внешне выглядит менее эффектно, чем игра некоторых других больших шахматистов. Объясняется это тем, что необычайная одаренность Карпова проявляет себя прежде всего в позиционном чутье. Он, конечно, уверенно ориентируется в самых сложных позициях, прекрасно комбинирует и создает опаснейшие атаки, он безошибочно считает варианты, и все-таки претендентом на мировое первенство Карпов стал прежде всего благодаря умению глубже, чем другие, оценить позицию и избрать наилучший способ решения возникших проблем. Но наилучший в понимании Карпова — это значит самый рациональный, максимально простой способ, при котором удается добиться идеальной координации своих фигур и пешек. Простейший способ решения сложнейшей задачи — вот что составляет суть творческого метода Карпова.

Ему иногда ставят в упрек чрезмерный рационализм, чрезмерную расчетливость, но в том-то и дело, что в его игре нет ничего чрезмерного. Ведь чрезмерный рационализм — это тоже нерационально и уже по одному этому было бы им отвергнуто.

Карпов ведь рационалист не только по характеру, складу ума. Он изучает на экономическом факультете Ленинградского университета политэкономию, изучает не только с присущим ему старанием, но и с увлеченностью. За три года он получил только две четверки, остальные, разумеется, пятерки, настоящие, полноценные пятерки. После окончания университета у него намечена аспирантура. Вот какая четкая жизненная линия у этого молодого человека, которому, если говорить честно, легко простили бы и тройки. Ведь и на самом деле трудно понять, как это ему удается отстаивать свои права на шахматный престол, ездить по турнирам и находить время для того, чтобы с блеском сдавать экзамены...

Конечно, во всем этом виден и твердый характер Карпова. Он по натуре боец, прирожденный спортсмен. Шахматы привлекают его тем, что открывают простор для самоутверждения, дают возможность бороться, побеждать. Это для него очень важно, ибо он крайне самолюбив. Как и Корчной, тут у них сходство! Еще до начала соревнования претендентов он открыто заявил, что никого не боится, в том числе Бориса Спасского и Роберта Фишера, это кое-кого шокировало. Лишь потом, когда он доказал правоту своих слов, все поняли, что это была отнюдь не бравада, а реалистическая, вполне в духе Карпова оценка своей силы.

Правда, он еще и утверждал, что «этот цикл — не мой», объясняя это потом тем, что в чисто человеческом плане да и в шахматном он еще не имеет тех данных — закаленного характера, опыта, эрудиции, знания психологии,— которые нужны чемпиону мира. Словом, молод я еще, чтобы играть с Фишером... Но вот подошел финальный матч, и, судя по всему, Карпов несколько изменил свою точку зрения на этот счет. Не случайно Марк Тайманов говорил, что Карпов играет пока процентов на шестьдесят своих возможностей, а сам Фишер заметил, что предел возможностей Карпова трудно определить...

Быть может, кого-то огорчит, что шахматы для Карпова в первую очередь спорт, борьба, а уже потом искусство. Но, ничего не поделаешь, такова шахматная жизнь. Шахматы не фигурное катание, здесь баллы за артистизм не присуждают. Жесткая и жестокая система отбора заставляет претендентов добиваться только одного — побед.

Кстати сказать, понятие красоты в шахматах весьма относительно. В девятой партии матча со Спасским Карпов сделал два внешне совершенно неэффектных хода — отступил конем, причем на его первоначальное поле, и пошел королем, а комментировавший партию Таль снабдил оба хода двумя восклицательными знаками, а впоследствии добавил, что они произвели на него потрясающее впечатление.

В своем подходе к шахматам прежде всего как к спорту, в рациональности своего стиля, в отношении к риску Анатолий Карпов не просто современен — это все лежит в его характере. Но было бы непростительной ошибкой поместить его в эти рамки. Карпов — натура очень сложная. Свалить Льва Полугаевского, а потом почти так же легко Бориса Спасского, который, по всеобщему мнению, был в хорошей форме, мог только шахматист, умело использующий психологические мотивы. Со Спасским играл совсем не тот Карпов, что с Полугаевским, и не тот, какого Спасский ожидал увидеть. А разве не любопытно, что при всей своей рассудительности Карпов почти каждую партию, независимо от цвета фигур, от силы противника, играет на выигрыш?

Любопытно и то, что, отстаивая в шахматах логическое начало, отдавая предпочтение тем партиям, в которых не было никакой «кривизны», он тем не менее в шестой партии с Полугаевским пошел вдруг (неожиданно для самого себя!) на вариант с жертвой двух пешек. И в завязавшемся тактическом сражении превзошел соперника.

Все комментаторы высказались в лестных тонах об этой партии, а он, когда комбинационный «хмель» прошел, заявил, что это было по меньшей мере нелепо — отдавать, играя белыми, две пешки за инициативу. И где заявил — со сцены, на закрытии матча, когда его чествовали!

А все-таки я больше склонен верить тому порыву во время партии, чем этой самокритике. Ибо живет в Карпове и романтическое начало, и хоть оно пока ведет трудную борьбу за существование, а все же нет-нет да и прислушивается молодой гроссмейстер к его таинственному зову. И когда Карпов говорит, что его ближайшая цель — сделать стиль своей игры более универсальным, а значит, более свободным, раскованным, то он имеет в виду и стремление преодолеть свое недоверие если не к риску, то к запутанным позициям.

Вот какие два шахматных рыцаря действительно без страха и упрека вышли сейчас на авансцену и изготовились к поединку.

Один — ветеран, весь в шрамах и рубцах, не потерявший вкуса к риску, не боящийся опасности; другой — молодой, да очень уж ранний, быстро набирающий опыт и силу и хотя и отвергающий риск, но такой же бесстрашный.

Один всю свою шахматную жизнь нет-нет да и нарушал свод законов, стрелял из кривого ружья, но сейчас изрядно подвыправил ствол; другой канонически придерживается правил, но, может быть, в душе не прочь позволить себе небольшой грешок.

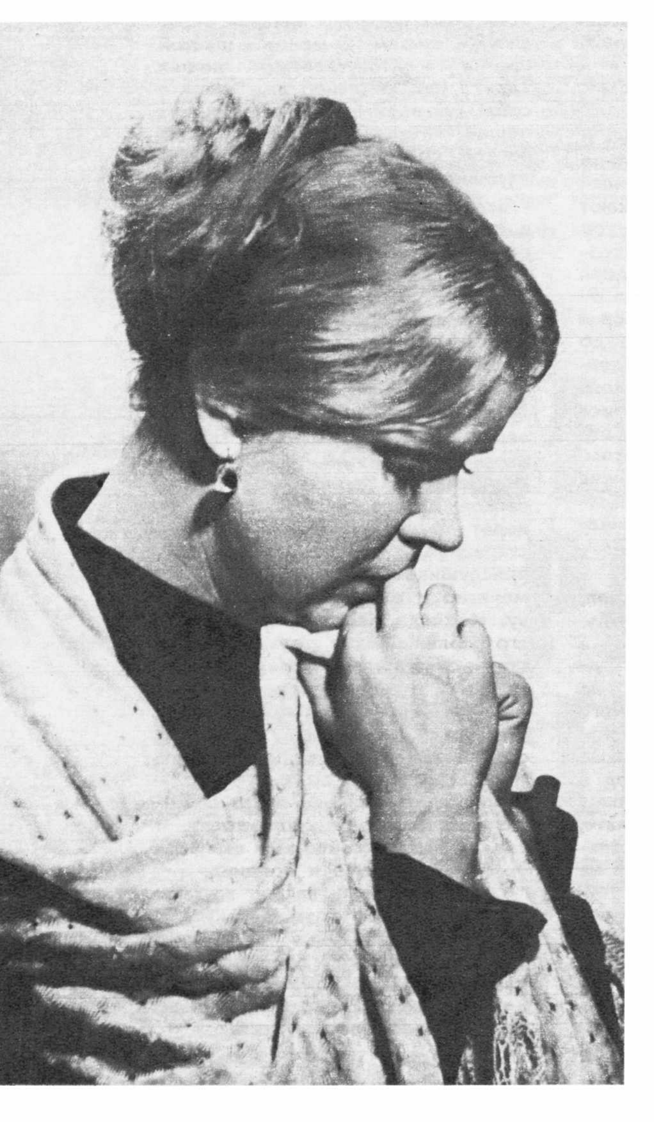
Один понимает, что предстоящий поединок — скорее всего его лебединая песня, и потому готов отдать на алтарь победы все, что у него только есть; другой хоть и знает, что это лишь начало его пути, но вовсе не склонен откладывать исполнение желаний на будущее.

Судьбе было угодно, чтобы два нынешних соперника последние годы шли рядом, грудь в грудь. Корчной и Карпов поделили первое место на турнире в Гастингсе на рубеже 1971—1972 годов и в Ленинградском межзональном турнире. Вместе с тремя другими конкурентами они поделили второе место на последнем чемпионате страны. Да и счет личных встреч у них равный — 2:2 при одной ничьей.

Но не хватит ли сопоставлений? Наверное, уже ясно и так, что на этот раз богиня шахмат Каисса свела на узкой претендентской дорожке двух гроссмейстеров, которые, будучи в творческом плане во многом антиподами, равно заслуживают счастья, к которому так упорно стремятся.

Н. ЗЫБИНА.

ТРИ КАТЕРИНЫ

Катерина — Т. Самойлова, Борис — Н. Стрелецкий.

◄ В главной роли Т. Семина.

Кириенко — Катерина, Тихон — артист М. Кислов.

Фото М. Строкова, М. Демиховского, И. Шлугер.

В кабинете Льва Сергеевича Рудника, главного режиссера Театра-студии киноактера, шел взволнованный разговор. Вера Павловна Строева убеждала, настаивала, доказывала, что Тамаре Семиной после роли Катерины в «Грозе» и перед съемкой в кино надо отдохнуть.

Но готова ли роль Катерины у Татьяны Самойловой?.. Ведь у нее съемка только что закончилась, уже не так настойчиво возражает Рудник... Наконец вопрос решен: в следующем спектакле Катерину играет Татьяна Самойлова.

— Такова главная драматическая ситуация нашего особенного театра, нашего особенного творческого коллектива: вся его жизнь целиком подчинена кинематографу.

Этими словами начинается наш разговор с Рудником.

— Наиболее трудно режиссерам и артистам в нашем театре найти в себе чувство равновесия: научить себя постоянно жить будто в двух измерениях — в кино и на театральной

Мкртич КОРЮН

БАСНИ

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

Хвалился Дым: — Взлетел я выше крыши!
Я выше туч и Арарата выше,
Могу я свысока глядеть на мир!..
Кичился Дым: — Не будь меня, едва ли
Усталые бы путники узнали,
Что где-то есть поблизости тоныр [1].
Гордился Дым... Но знать необходимо:
Нет без огня заносчивого дыма.
Высокий Дым возник не сам собой.
И, чтоб зазнайке выдать на орехи,
Огонь погас, и ветер без помехи
Весь Дым развеял вместе с похвальбой.

Как следствие, забывшее причину,
Кичлив иной, вознесенный не по чину.

О НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ

Спросили раз Сову: «Не можешь ли толково
Сказать, насчет Вола ты мнения какого?»
Сова в ответ, зевнув: «Не видела воочью.
Ведь сплю я днем,
А Вол мышей не ловит ночью»...

Случается, иной другие судит лица.
А если рассудить? Не та, пожалуй, птица.

ПУТНИК И РЕКА

Вдоль реки, манящей гладью,
Путник шел с тяжелой кладью.
И спросили Пешехода:
— Почему ты, встав чуть свет,
Как за лошадью подвода,
За рекой шагаешь вслед?
Озадаченный речами,
Пешеход пожал плечами:
— Я ли этому виной?!
Не идет река за мной...

[1] Тоныр — земляной очаг.

ОДНОГОРБОЕ СУЖДЕНИЕ

Приводят к мудрому Верблюду
Коня однажды напоказ:
— Взгляни! Скакун подобен чуду.
Не конь, а истинный Пегас.
Жаль, крыльев не дала судьба.
Верблюд добавил:
— И горба...

В ЧУЖОЙ РОЛИ

С Пеструшкой как-то встретился Петух:
— В курятнике печальный ходит слух —
Забыла ты насиженное место,
Цыплят забросила, отбилась от насеста...
— Ах, Петя,— прокудахтала она,—
Ах, интересы у меня другие!
Очаг семейный не моя стихия:
Святым искусством я увлечена.
Дает кукушка мне уроки пенья,
Научно развиваю голос я.
В лесном театре должность Соловья
Мне обещали... Нужно лишь терпенье.
— А яйца ты несешь, скажи на милость?
— Ну, это проза... Я уж разучилась...

Перевел с армянского
Борис ГАЙКОВИЧ.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПОМОГИТЕ НАШИМ ДЕТЯМ

В нынешнем году наши дети успешно окончили восьмилетнюю школу-интернат для глухих № 101 Ворошиловского района Москвы. Многие из них хотят продолжить образование в средних специальных учебных заведениях по новым профессиям: вычислительная техника, радиоэлектроника, радиотехника и другие.

сцене. Только когда это равновесие обретено, открывается второе дыхание.

С «Грозой», конечно, нам было особенно сложно, — продолжает главный режиссер. — Лучшая, наисложнейшая пьеса А. Н. Островского — мечта, наверное, каждого режиссера. Как и роль в «Грозе» — событие для артиста... Отважились мы на постановку «Грозы» потому, что у режиссерского руля встали два больших мастера — Григорий Рошаль и Вера Строева. Их театральный дебют привел к интересному воплощению замысла...

В программке спектакля «Гроза» сейчас обозначены три Катерины: Зинаида Кириенко, Тамара Семина и Татьяна Самойлова. Я видела всех троих. Выяснилось, что в ансамбль одного спектакля совершенно органично вписываются все три, совершенно разные Катерины.

Иконописно строгая Катерина — Кириенко по сцене движется будто существо неземное: она как бы парит над людьми в ореоле своего страдания. Она необыкновенно поэтична и этим непонятна окружающим ее людям; даже ее красота и та их страшит, раздражает, особенно Кабаниху, как перст судьбы. Как луч света, явившийся в это царство лжи, порока и зла, чтобы высветлить позор темного царства.

Но вот на сцене Катерина — Семина... Такую встретишь и сегодня. Наивная мечтательница, она тоже поэтичная, но совершенно земная натура, вся устремленная к счастью. Она и здесь, в этом затхлом болоте, ищет островок для любви! И, уже найдя его, всем своим существом стремится ему навстречу, всей полнотой нерастраченного чувства.

Кириенко — Катерина уходит из жизни, логически завершая судьбу героини. Трагический же финал для Катерины — Семиной — шаг неожиданный, отчаянный поступок женщины, потерявшей любовь.

И вдруг новая трансформация образа Катерины: Самойлова. Она тоже царит над «темным царством», она тоже мечтательница, но вовсе не наивная, а страстная, протестующая... Все та же роль, но построена она у Татьяны Самойловой в таком ключе, что даже голос ее звучит обещанием бури, предстоящей грозы. Роль прочерчена строго, скупо. Каждый жест исполнен важной медлительности. И любовь Катерины здесь не слабость, а сила завоевания. А смерть не безысходность, но обличение и месть.

На сцене Театра-студии киноактера идут три совершенно непохожих «Грозы»! Как же удалось режиссерам выразить это в единых декорациях художника Ю. Богоявленского, с одним и тем же (кроме исполнительниц главной роли) ансамблем?

— Специфика нашего театра,— рассказывает Л. С. Рудник,— в том, что режиссеры кино ставят именно театральный спектакль. Вероятно, масштабность видения, присущая кинематографическому режиссеру, многоплановость, объемность самой пьесы и рождают такое особое изображение явлений. Каждый актер чувствует себя свободным в той обстановке, которую задает ему героиня. В данном случае такой метод Г. Рошаля и В. Строевой привел к желаемому результату в труднейшем классическом спектакле.

В № 40 «Огонек» начинает печатать повесть Руфи Зерновой «Дело о телефонных звонках».

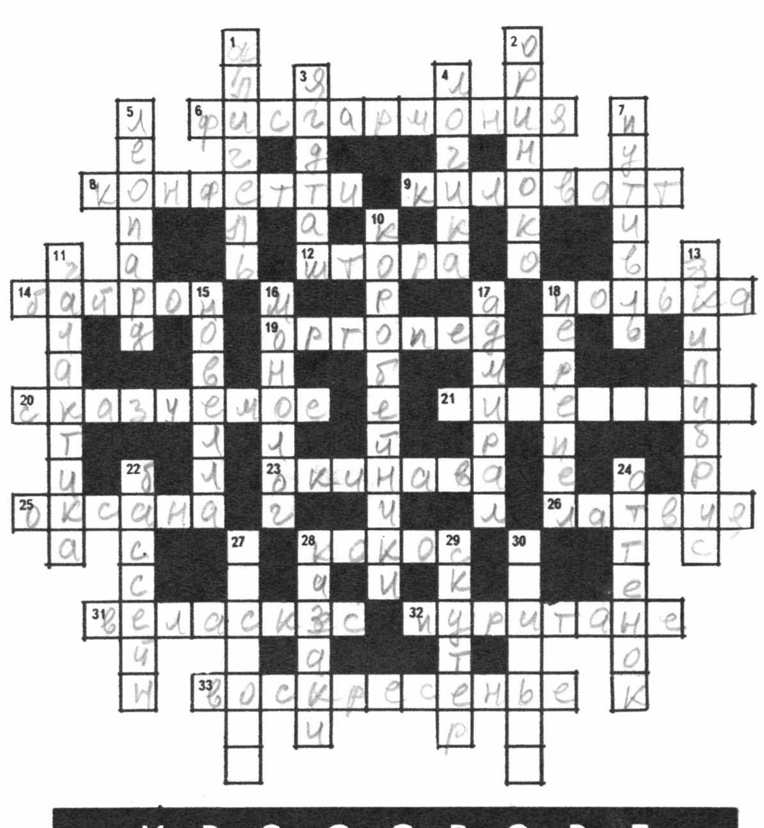
В специальных постановлениях были предусмотрены меры по обеспечению обучения людей с недостатками слуха и речи в средних и высших специальных учебных заведениях. Исходя из этого, Министерство высшего и среднего специального образования СССР и Московское городское правление Всероссийского общества глухих обратились с просьбами в Министерство электронной промышленности СССР и Центральное статистическое управление РСФСР организовать в 1974/75 учебном году при Московском техникуме электронных приборов экспериментальную группу в составе пятнадцати человек по специальности «Программирование для быстродействующих машин». Эта просьба была поддержана Научно-исследовательским институтом дефектологии АПН СССР, Министерством просвещения РСФСР, ВЦСПС и депутатом Верховного Совета СССР тов. Е. А. Щекутевой. Однако Статистическое управление РСФСР отказалось создавать такую группу. Причем мотивировка была весьма странной: «У нас своих забот много, зачем нам брать на себя лишние?»

Надо сказать, что руководство Министерства электронной промышленности СССР отнеслось положительно к организации специальной группы. А вот управление кадров и учебных заведений этого министерства, игнорируя решение руководства, не принимает никаких мер к решению вопроса. Как же так? Ведь конкретных оснований к отказу о создании подобной группы не имеется: в 1973 году для техникума построено замечательное здание, создана хорошая материальная база.

Наши сыновья и дочери, инвалиды с детства, хотят, как и все молодые люди Советского Союза, получить среднее образование, принести пользу делу строительства коммунизма в стране. Помогите же им, помогите уже в нынешнем году организовать экспериментальную группу в Московском техникуме электронных приборов.

По поручению родителей председатель родительского комитета

Л. ОСАДЧИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали: 6. Клавишный инструмент. 8. Разноцветные бумажные кружки. 9. Единица мощности электрического тока. 12. Оконная занавеска. 14. Английский поэт. 18. Танец. 19. Врач. 20. Главный член предложения. 21. Русский писатель XIX века. 23. Японский остров. 25. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством». 26. Союзная республика. 28. Плод пальмы. 31. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 32. Роман В. Скотта. 33. День недели.

По вертикали: 1. Жилая пристройка к зданию или небольшой дом во дворе. 2. Река в Южной Америке. 3. Охотничья сумка. 4. Наука, изучающая мышление. 5. Хищное животное. 7. Старинный город в Сумской области. 10. Поэма Н. А. Некрасова. 11. Звездная система. 13. Книжный знак, ярлык. 15. Небольшая повесть, рассказ. 16. Речь, обращенная к самому себе или к зрителям. 17. Воинское звание. 18. Птица семейства фазановых. 22. Искусственный водоем. 24. Разновидность цвета. 27. Пьеса с певучей мелодией. 28. Повесть Л. Н. Толстого. 29. Спортивное судно. 30. Действующее лицо оперы Дж. Верди «Риголетто».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали: 5. Северодвинск. 8. Удочка. 9. Шлюпка. 10. Танеев. 12. Рапира. 16. Кантата. 18. Экватор. 20. Сито. 21. Старшина. 22. Сомбреро. 23. Крот. 24. Душанбе. 27. Авиация. 30. Кварта. 32. Брутто. 33. Золото. 34. Сомали. 35. Митрофанушка.

По вертикали: 1. «Следопыт». 2. Масленок. 3. Бенуар. 4. Цитата. 6. Салат. 7. Сфера. 11. Саксаул. 13. Аксаков. 14. Реостат. 15. Доломит. 17. Айран. 19. Верди. 25. Аорта. 26. Ботаника. 28. Веласкес. 29. Артек. 30. «Косарь». 31. Азимут.

На первой странице обложки: На «Малой земле».
Фото А. Награльяна

На последней странице обложки: Новороссийск. Памятник на проспекте Ленина. Здесь проходил передний край.
Фото В. Павлова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата —253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей —253-37-61; Международный —253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора —253-39-05; Спорта —253-32-67; Фото —253-39-04; Оформления —253-38-36; Писем —253-36-28; Литературных приложений —253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 26/VIII—1974 г. А 00626. Подписано к печ. 10/IX—1974 г. Формат 70 × 108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2023. Тираж 2 110 000 экз. Заказ № 2655.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

В. ВАРЖАПЕТЯН.
Фото
Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Лед — черный, как глубокая вода. Хрупкие стебли камыша. В чистой, просвеченной глубине отражаются лебеди. Движения их трепетны и нежны. Первый след коньков узорит зеркальную гладь, первые брызги льда вспыхивают разноцветными искрами. Прекраснее всех Принцесса-Лебедь — Л. Литвиненко. Ее красота пленяет Юношу (А. Шангин). Они встретились на берегу очарованного озера...

Так начинаются «Новеллы о любви» — программа Ленинградского балета на льду. Мы видим три новеллы: «Озеро лебедей», «Андалузская свадьба», «Встреча с Петербургом». Поставлены они известными балетмейстерами К. Сергеевым, В. Херардо и К. Боярским, поверившими, что единство балета и фигурного катания может дать своеобразный художественный результат, породить новое искусство с лишь одному ему присущим плавным скольжением, изящным, четким рисунком, своеобразным сочетанием движения и паузы.

Новая программа ленинградцев позволяет судить о достоинствах и недостатках балета на льду, но главное — показывает, что он есть, что он развивается и радует людей.

Праздником танца стал для зрителей балет-буфф «Встреча с Петербургом» на музыку И. Штрауса. Все здесь подвластно прекрасной мелодии вальса. Когда Композитор (А. Яковлев) подбегает к дирижерскому пульту и начинает дирижировать настоящим оркестром, на ледяной сцене танцуют все — Девушка, Кельнер, Шансонетка и, наконец, праздничная толпа гостей. Артистизм исполнителей, свободное владение техникой позволили К. Боярскому создать сложную танцевальную композицию не только в партиях солистов, но и в кордебалетных ансамблях.

Еще одна новелла о любви — «Андалузская свадьба», великолепно поставленная В. Херардо. Завораживает калейдоскоп костюмов, музыки, движений, красок. Льда не видишь. Видишь раскаленную жгучим солнцем, заполненную ликующим народом площадь Севильи... Героями этой новеллы — и по либретто и по мастерству танца — стали Е. Васильева — Невеста, Е. Алепко — Цыганка и В. Ельчин — Жених. С этими солистами зритель встретился и во втором отделении программы, где представлены «Королева оперетты» и «Моя прекрасная леди».

Создатель коллектива К. Боярский известен как интересный постановщик дуэтов. Московские зрители тепло приняли его премьеру — «Сицилиана», где звучит музыка Моцарта и Чимарозы, где танцы отделаны изысканно, филигранно, с сугубо балетными поддержками.

Да, это балет — балет на льду.

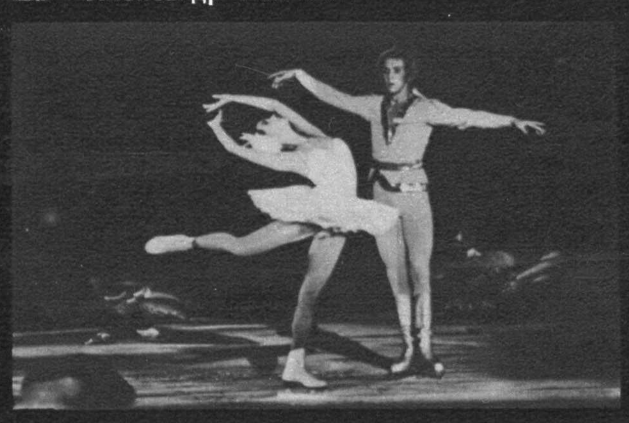

Ирина Соколова — маленький лебедь.

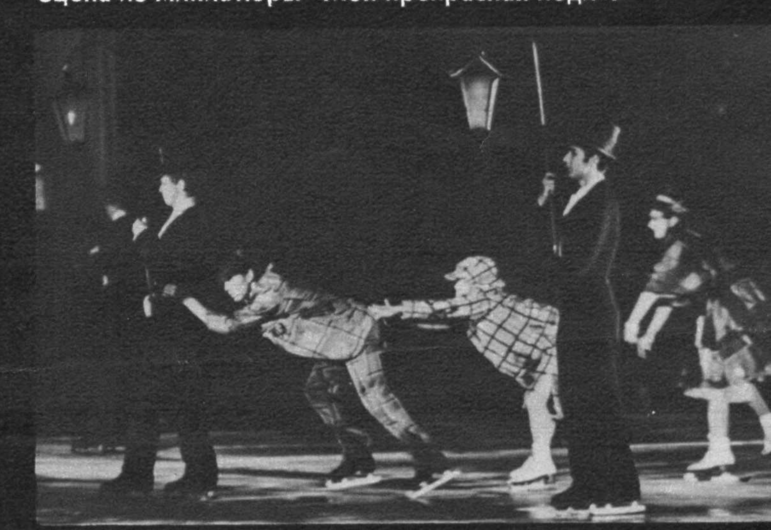

«Андалузская свадьба». Виктор Ельчин — Жених.

Принцесса-Лебедь — Лариса Литвиненко, Юноша — Александр Шангин.

Сцена из миниатюры «Моя прекрасная леди».

Новеллы о любви

Шайбу, шайбу!

Артистка кордебалета Лариса Толкунова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663